

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ШАР-ПЕЙ

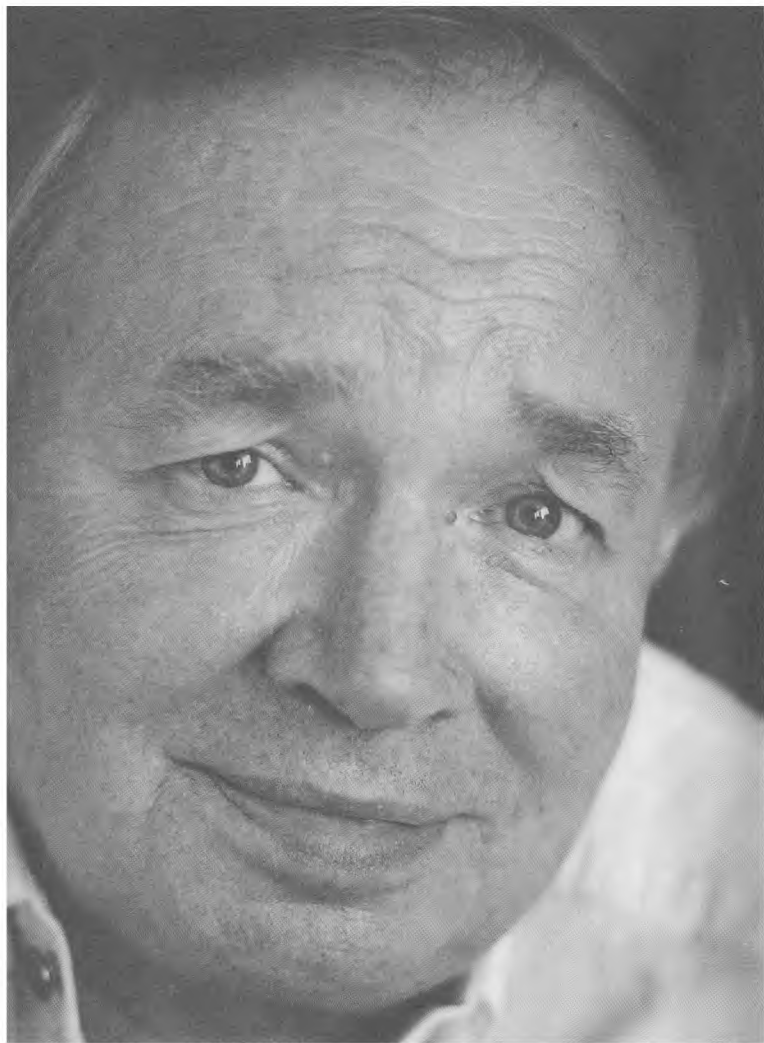
АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ШАР-ПЕЙ

НОВЫЕ СТИХИ И ПОЭМЫ

**АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**

АНДРЕЙ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ШАР-ПЕЙ

МОСКВА ТЕРРА — КНИЖНЫЙ КЛУБ 2001

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
В64

Графические композиции и рисунки автора

Вознесенский А. А.
В64 Шар-Пей: Новые стихи и поэмы. — М.:
ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. — 240 с.: ил.
ISBN 5-275-00350-1

В новой книге признанного мэтра российской поэзии читателя ждет встреча с поэмами и стихотворениями, созданными уже в новом, XXI веке, с рассказами, которые автор сам отобрал для этого сборника. Автором рисунков и графических композиций является также А. Вознесенский.

ISBN 5-275-00350-1

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

© А. Вознесенский, 2001
© ТЕРРА—Книжный клуб, 2001

ШАР-ПЕЙ

Шар-пей
1990

ПРОЛОГ

«Ирпень — это память о людях и лете...»

**Шар-пей — это спагетти,
намотанное на вилку доброты.**

Ты

**держишь его за маньяка,
или за тибетского монаха,
одетого в доминиканский подрясник.**

Потрясно!

На его лице
проступает лабиринт ума,
выпуклый, как батарей,
или конструкции стеклянного Центра Помпиду.

**НЕ ХОДИТЕ У ШАР-ПЕЯ НА ПОВОДУ!
ЗАПОМНИТЕ:**

когда занимаетесь любовью в комнате,
не запирайте его на кухне —
он будет рваться к вам по-маньяковски,
ломать доски двери, рычать и рыдать...
— Как Маяковский,
когда его запирали на кухне Брики?
— Что им взбрыки?!

— Дрессировщики забыли о пистолете...

Шар-пей — это память о людях и лете,
о русской рулетке, о флейте столетья,
о пуле в поэте, повысившей рейтинг.

— А фабрике лирики имени Лили.

— А Брики?

— Какой на них грязи не лили!..

— Шар-пейка! Брючница! Щену врала *про*

это...

— Или!..

Но самоубийственной кометой,
развеет свой прах гениальная Лили,
сыгравшая муку на флейте поэта.

1

— ПОХОЖИЙ НА ДАЛАЙ-ЛАМУ,
ДАЙ ЛАПУ!

— Жаль, ты, человек, не умеешь рычать,
дай пять!

Облизанным лбом, паяльником,
лицом не спасешься ты
от бурного обаяния
влюбившейся красоты.

Соперничая с Бежаром,
сопело, башмак жуя
12 кг обожания,
сопереживания.

9

**И я на вопрос пристрастный
«Кто краше вам и милей
бессмертных мадонн Пикассо?»
спокойно вздохну: «Шар-пей».**

**НА ПТИЧЬЕМ РЫНКЕ ЗА РУБЛИ
КУПИТЕ СВЕРТОЧЕК ЛЮБВИ!**

Марси

2

Сколько чуши набивается в УШИ!
Всего хужей —
чистка ушей.
Он трясется, вроде автомата УЗИ,
гневается, как микада.
«Ремнем не надо!»
В мозгах — короткое замыкание.
Хозяева — камикадзе.
Вопли! Укусы!
Намордник надели.
Ужас!

**УШИ НАДО ЧИСТИТЬ КАЖДУЮ
НЕДЕЛЮ.**

3

**Обиделся! Набычился.
И ушел в свои лабиринты,
подобно минотавру.
С ШАР-ПЕЕМ БУДЬТЕ АВТОРИТАРНЫ.
Когда демократия надоест —
он вас съест.**

**Ночью лижет Твои ноженьки.
Но когда разевает пасть,
во тьме ее колышки придорожные
белеют, чтоб вам не упасть.**

**Он сгрыз:
все клеммы,
диск «Крис Кельми»,**

провода, переводы грузин,
и шкаф, покрытый спреем «Антигрызин»,
стену с обоями,
Крым,
Твои колготки,
еще кого-то,
и пол-Украины.

Но больше, чем грызть лифчик,
ему нравится игра «О, СЧАСТЛИВЧИК».

Как вы считаете, кто из «счастливчиков» более шар-пей?

a Шахрай

b Чапай

c Чубайс

d Аджубей

Кто в лице имел кличку «репей»?

a Шарапов

b Швабрин

c Пушкин

d Ел. Соловей

Что сказал он на балу одному из царей?

a Царь, пей!

b У, деспот лагерей!

c О'кей!

d Не сопрей!

Что пил царь, принимая гостей?

a Чифирь

b Кровь народа

c Спотыкач

d Old grey

Что ели гости из чаш и горстей?

a Сплетни

b Искусственные
кости

с Друзей

d Лук-порей

Что он просил царя издать по-скорей?

a Акунина

b Ельцина

с Баркова
(изд-во «Подкова»)

d «Сто дней»

Что он желает от Родины своей?

a Ордена

b В морду

с Йордана

d Печаль полей

В чьих объятьях проснется шар-пей?

a Морфея

b Мафии

с Морского офицера

d Морфей

**Шар-пей вопросы съел.
(Диброву — крах).
Он стал миллионер.
Почти олигарх.**

4

ШУРУП УПОВАНЬЯ,
шуруп обожанья с нарезкой страстей,
шуруп превращенья.
Не перевоплощенный шар-пей —
это извращенье.

ШАР-ПЕЙ РАБОТАЛ:
хлопушкой при китайском императоре,
портфелем Жванецкого,
профилем Бисмарка,

... (цензурная вымарка),
аптекарем
(ОДНА ЛОЖКА ШАР-ПЕЯ НА СТАКАН
ЗАВАРКИ),
швейцаром неодобрительным
в Клубе,
Львиным зевом на клумбе,
одновременно удобрителем,
батарейкой от «Шарпа»,
референтом у Ахмадулиной.

РАСТЯНУЛ ГАРМОШКУ ОДИН ДРУГ.
НО ТО БЫЛ ШАР-ПЕЙ — ДРУГ
ОСТАЛСЯ БЕЗ РУК.

«Пушкин!» — окликнул своего тибетца
из-за океана Василий Павлович.
Рыжий Пушкин вильнул хвостом и вылез
из-под дивана.

Если нажать на кнопку сзади,
шар-пей раскроется как зонтик.

— Рюмка граппы. Это клево!
Пролетаем Капри.
Грезы склеваны
клювами гарпий.

Запасы сопрели.
Лугов не скосили.
— Виновны шар-пеи.
Шар-пеев засилье.

**Мао уничтожал шар-пеев.
Они эмигрировали. В Россию.**

Культура замешана на любви.

**Обнюхав Москва-реку, как Янцзы,
лущованные портупеей,
спасут нас, замотанные как голубцы,
шагреньевые шар-пеи.**

Шар-пеи

5

**РУССКИЕ ШАР-ПЕИ ПОДПИСАЛИ
С КИТАЙСКИМИ ДОГОВОРОМ.**

**Шар-пей, размотав свою кожу, как свиток,
учил меня китайской акварели.**

**Утром моя рожа —
как мятая роза.
Перед зеркалом Андрей,
а в зеркале — шар-пей.**

6

Была кошка —
кошки не было.
Прошлое в коме!
Пиши набело.

Веду настороженно
шар-пея на спиннинге.
И лунной дорожкой
волнуется спинка.

Куда по щебенке
уводит нас сердце
со взглядом ребенка
на уровне детства?

**Ведь первые вирши
на детском уровне
писал я, влюбившись
в лохматого увальня.**

**Спят саксы и факсы.
Спит клякса газона —
сексуальная такса
по имени Монна.**

**Метро «Юго-Западная»?
Или Котельническая?
Бежим мы на запахи
диско-течки.**

**Лежит предо мной
маационный типаж —
дистанционный
мой нижний этаж.**

**Ждет у магазина
улыбочка Моннина —
как нос мокассина
загнувшийся модника.**

**О таксе пусть слезы
утрет мыловарня.
Колотится в звезды
тоска мировая.**

**К чьей мощной идее
привел нас Господь,
наморщив шар-пея,
как крайнюю плоть?**

7

**Вдетые в ноздри безумные запонки —
З А П А Х И !**

**Бог распахнул Книгу Запахов. Пах-
нет! — мочою враждебную парк.**

**Пахнет обоями стыд таракана.
Ах, не Тобою, Ты — не такая!**

**Черное море пахнет эсминцем.
Ты пахнешь молнией и жасмином!**

**Джаз — металлический, ароматный,
новые СМИ с электрическим матом,
ара-мятные
таблетки от перегара.**

Пахучие! — прокуренные, грибные,
подозрительные,
выгребные, трупные, живые, трубные, потные,
женские,
туфелькины, ужастиковые, осьминоговые,
микстурные, мерзкие,
парфюмерные, овчаркины, догови, чертовы,
Боговы —

just a min —
все, будто воздух Тобой заминирован,
неминуемо пахнет жасмином.

Пах мироздания на четырех лапах
рвется на запах, рвется на запах.

Собаке на небе — самое оно,
но
Запахов Книгу Господь запахнул...

Запах — нуль.

8

**Кто я тебе? Чудовище пахучее?
Наркотик? Кратковременный букет?
Пусть мой парфюм похуже, чем у Гуччи —
я — Твой единственный поэт.**

**Я окончательно не исчезну,
На перилах останусь, как тайный браслет.
Нюх друзей избирателен, если честно.
Поручаю шар-пею найти мой след!**

**Где я буду? В Москве ль, приближенной
к Назрани?
Или в Царстве Теней, где назад хода нет.
Обезумев от счастья, пневматическими
ноздрями
возьми мой след!**

9

ЧЕТЫРЕ ПЕСЕНКИ ШАР-ПЕЯ

Первая

**Любовь стопроцентная —
Грех. Хватит лепетов!
Но есть прецеденты!
Шар-пеем был Лермонтов.**

**С казарменным шармом
он брови морщил.
МОРЩИНЫ, КАК ШРАМЫ,
НЕ ПОРТЯТ МУЖЧИНУ.**

**И Родина ранено
выла сквозь морды
морщин Северянина
и W.H. Auden'a.**

**Я знал эти оденовские
морщины —
игральные щели Господней
машины.**

**Спускались воришки
в глубинные трещины.
Поют, провалившись,
монеты и женщины.**

**В великие щели
глядели инстинкты.
Их щеки чернели,
как стенд для пластинок.**

**Натура поэта
верней, чем собака,
служила кассетою
Бога и Баха.**

**И что там немилость?!
Что слава на привязи?..
Любовь сублимировалась
без примеси.**

**От Пастернака
и до Овидия
поэт и собака —
любовь в чистом виде.**

**Убогая пища.
Но чуда почище —
четвероногое
четверостишие.**

**...Дорожная палка
горит, как эклер ментов.
Летает собака —
застреленный Лермонтов.**

Вторая

**Люблю тебя, мадемуазель Шар-пей,
за сгрызанной рубашки бумазей,
за то, что в кожи складчатый туман
ты запахнулась, как Шапель Роншан.
За то, что в твою душу, как в сабвей,
я опущусь, мадемуазель Шар-пей.**

Третья

**Пасть твоя дышит, горяча.
Скажи «за жизнь» мне, собачара!
Рыча — рыча-рыча-рыча —
ч а р ы.**

**Тебя, как тайского врача,
экстрасенсорное начало
ведет — рыча-рыча-рыча.
Ч а р ы.**

**Пускай вlepили «строгача».
Но утром женщина кричала.
И чайник выкипал, рыча.
Ч а р ы.**

Я тебя выдумал, шар-пей,
четвероногий мой товарищ.
Ты не продашь, пускай облаешь.
Предательство — удел людей.

Сын балалаек и би-лайна,
пытаясь превратиться в лай,
повторит: «Лайла-лайла-лайла».
Чарует нас собачий рай.

С широкой грудью тягача
живешь, рыча-рыча-рыча.
Но жизнь — двусмысленней анчара.
Ч а р ы?

Взор залепила саранча.
И удаляются, как фары,
чары-чары-чары-чары,
р ы ч а.

Четвертая

Зачем ему складки? А зачем они
Мангольфьеру?

Надули.
Расправился в верхних слоях атмосферы
над улицей, блин,
ШАР-ПЕЙ — ЦЕППИЛИН.

Простимся, мой шарик! Морщины вмещают
возможность полета. Прощай Травиата!
Растяжки на морде напоминают
шлем авиатора.

Проносись винтообразным обликом,
одиноким, словно монарх,
из морщин родившийся Облаком
в кожаных штанах.

Хвост поднят торчком над жизнью копеечной,
«на большой», улетай, о'кей.
Одновременно шар и пейджер —
ШАР-ПЕЙ.

Номер пейджера скрыт от людей.

Шар-пей

10

**ШАР-ПЕЙ ПОТЕРЯЛСЯ!
Менты матерятся.
Малышка в подрыснике
наш потерялся.**

**Верните мальчонку!
Он тычется в ноги.
Чужою мочою
пропахли дороги.**

**Хотят рестораны
собачьего мяса.
Что наши старанья?
Шар-пей потерялся.**

**В обочине, маясь,
сжал сердцебиенье,
не понимая,
за что убиенный.**

**Четвертые сутки
шар-пей потерялся.
А может, он в сумке
на трассе в Тирасполь?**

**Помойки паскудны.
Там — корм настоящий.
Ты знал лишь искусственный
корм — «ТВ-ящик»,**

**где ржет Беловежье,
орут: «педерасы!»
Пропала надежда —
шар-пей потерялся.**

**Буфеты долизывают
по полтораста.
Ни Монны. Ни Лизы.
ШАР-ПЕЙ ПОТЕРЯЛСЯ.**

**Свернувшись гармошкой,
во сне ты увидишь
пакеты кормешки
с наклейкою «Sweedish».**

**Дерьмо ледяное
отсюда до Марса.**

Один-одинешенек,
я потерялся.

И нет Тебя рядом,
кому доверялся.
Прости, Бога ради,
но я потерялся.

Мой дом потерялся,
и имя, и адрес,
где мной, лоботрясом,
не сгрызанный «Ардис».

Приученный к смачным
ингредиентам,
я вырос собачьим
интеллигентом.

Пуст сад Пастернака,
пуст сад патриарха.
Ни зова, ни знака —
я потерялся.

Трусливые суки
облают с телеги
собачьи муки
интеллигента.

Не люди мы — звери.
Неужто не ясно —
последняя вера,
шар-пей потерялся.

Рваните Шопена,
от слез сатанея.
Верните шар-пея!
Хотя бы шар-пея.

ЭПИЛОГ

Шар-пей — это память о блуде и чуде,
о псе-баламуте с бойцовскою грудью.
Побачим, сограждане Бога ради:
не все мы — собаки, не все люди — бляди...

**ОТ СПЛЕТНИ ШРАПНЕЛЬНОЙ
И ПРОЧИХ СКОРБЕЙ
СПАСЕТ ШАР-ПЕЙ.**

P. S.

— Шарпей потерялся?
— Вон спит под терраской!
Сопит, обидевшись на людей.
За что не помнит, хоть убей!
Обида — старая портянка.
Чтоб всех простить по-христиански,
НАШЕЛСЯ ШАР-ПЕЙ!

2001

Александр

ГДЕ ВЫХОД?

XXI

Нынче время — крупных лаж,
краж, потерь.
Время — extra-extra-large.
XXL

Прошлый век нам выдал марку —
«СССР».
Новый лидер носит майку
«экс-экс-эль».

Выше всех на Новом годе
наша ель.
Мы живем по страшной коде —
XXL

В небе лопаются молнии.
Тур Эффель
примеряет джинсы модные
XXL

Петр Великий выдув губки,
с водкой эль,
акселерат, глушил из кубка
XXL

XXL — НАШ ПУТЬ К ПОБЕДАМ.
ОТСЕЛЬ ГРОЗИТЬ МЫ БУДЕМ
ШВЕДАМ.

Мы — нейтрально элегантны
к грязи всей.
Мы — нитратные гиганты
XXL

У мужчин, как и у женщин,
та же цель.
Несогласные на меньшее —
XXL

Червячок в нас заголился
Злит прогресс
Дразнит антиглобализм
буква «S».

Ни экс-Маркс и ни экс-Ельцин —
наш Устав.
Мы желаем, экс-экс-эль-цы,
чтоб стал мир — большое сердце
extra-love.

У деляги и у ляры
на обувке
скрыты перпендикуляры
крайней буквы.

Мы, эпоху удивляя
Буре-натиском,
кажем перпендикуляры:
«выкусь — накоси»!

ТРИ АДА

Душу парализовали
три кита цивилизации:
тоталитаризм,
тотализатор,
и тотальное лизание.

* * *

Вы застали меня живым —
Не на свалке, не на пьедестале,
Когда все вы трупами стали,
Вы застали меня земным.

Передача идет живьем,
Передача наследства миром,
Биополем, живым эфиром —
Что мы думаем, как поем.

Я вернусь в Твой край дождевой,
Дверь открою в сруб берестяный —
Я живую Тебя застану.
Как потрясно, что я живой!

* * *

Я в Ригу еду в белых джинсах
800-летье в голове,
В национальном я меньшинстве,
Но в сексуальном большинстве!

ЧАСЫ СЫЧА

В. Бограду

Мне незнакомец на границе
вручил, похожий на врача,
два циферблата, как глазницы, —
часы сыча, часы сыча.

Двучашечные, как весы,
двойное время сообща,
идут на мне часы, часы
ЧАСЫЧАСЫЧАСЫЧА.

«Четыре» в Бруклине сейчас,
«Двенадцать» — время Киржача.
Живем, от счастья осерчав,
или — от горя хохоча?

Где время верное, Куратор? —
Спрошу, в затылке почесав.
На государственных курантах
иль в человеческих часах?

С ожогом не бегу в санчасть —
мне бабка говорит: «Поссы...»
Народ бывает прав подчас,
А после — Господи, спаси!

В Нью-Йорке ночь, в России день.
Геополитика смешна.
Джинсы надетые — раздень.
Не совпадают времена.

Я пойман временем двойным —
не от сыча, не от Картье —
моим — несчастным, и Твоим
от счастья накоротке.

Что, милая, налить тебе?
Шампанского или сырца?
На ОРТ и НТВ
часы сыча, часы сыча.

Над Балчугом и Ценциннати
в рубахах черной чесучи
горят двойные циферблаты
СЫЧАСЫЧАСЫЧАСЫ

Двойные времена болят.
Но в подсознании моем
есть некий Третий циферблат
и время верное — на нем.

* * *

Прикрыла душу нагота
Недолговечной стеклотарой.
Как хорошо, что никогда
я не увижу Тебя старой.

Усталой — да, орущей — да,
и непричесанной, пожалуй...
Но, слава Богу, никогда
я не увижу тебя старой!

Не подойдешь среди автографов
меж взбудораженной толпы —
Ручонкой сухонькой потрогав,
не назовешь меня на «ты».

От этой нежности страшенной,
Разбухшей, как пиковый туз,
Свое узнавши отраженье,
Я в ужасе не отшатнусь.

Дай, Господи, мне проворонить,
Вовек трусливо не узнать
Твой Божий свет потусторонний
В единственно родных глазах.

КРОВЬ

На кухне пол закапан красным.
Я тряпку мокрую беру,
как будто кнопки из пластмассы
я отдираю на полу.

Об шляпки обломаешь ногти,
ты поправляешься уже.
Но эти крохотные кнопки
навек приколоты к душе.

ПАВЛЕВАЗМЕЙ

Повелевай, смущай и смей,
Павлевазмей, Павлевазмей!

Ну разве женщина повинна,
что явлен ей —
в единстве змея, льва, павлина
Павлевазмей?

Каким круговоротом вальса
шла голова,
когда нутра язык касался
шершавый льва!

Твой тренер — не апостол Павел,
не Птолемей —
павлиний звездный хвост расправил
Павлевазмей.

Ах, братья, не порвите платья!
Ты дохла аж —
как будто заключал в объятия
Тебя трельяж!

В Тебе столетья отражались
и страсть взаимы,
и революции пожарищ,
и что есть мы...

Он сладко пел об изуверах
в дезабилье,
что Евангелье без Евы —
лишь ...нгелье.

И гласом ангела без гнева
спросила высь:
«Ну как, освоила ты, Ева,
трехпалый свист?»

Но разве женщина повинна,
что в ней жив грех —
зеленоглазый крик павлина,
и змей, и лев?

Но разве дева выбирает
учителей,
когда ей ставит темперамент
ПавлЕВАЗмей?!..

СЕВЕРНАЯ МАГНОЛИЯ

Не помню — Рим или Монголия?
Века замедлились,
пока
мне девушка цветок магнолии
вдевала в лацкан пиджака.

Я игнорировал магнолию,
привитый черенок болит.
Рояль, как профиль Мейерхольдовский
незабываемо раскрыт.

И под фуражкой мореходную
поет на рынке инвалид.
Мы — эхо русской меланхолии
В нас страшный фитилек горит.

Отцвел пиджак. Столетье брэнное
ушло. Калининград не тот.
Я сам сгорел как удобрение.
Но магнолия цветет.

ДОЧЬ ХУДОЖНИКА

Все таланты его от дочери.
Он от дочки произошел.
Гениальные многоточия
он малюет на мокрый шелк.

Почему он гулявший дочерна,
видит в бритвенном зеркальце,
как великие очи дочери
расцветают в его лице?

Был он скряга, потухший кратер,
нынче пробует всем помочь.
Изменила его характер
прародительница-дочь:

А сама пиво пьет наивно,
в комбинезончике, как оса,
переведши талант на имя
новорожденного отца.

А ему всех наград не надо
лишь бы мог день и ночь толочь:
«доча-доча-дочадо-ч а д о-
дочь».

Не таил он в душе заточку,
зато в будущем он витал —
муку взяв на себя за дочку,
черный кайф предугадал.

Так закидывают альпинисты
крюк с веревкой на неба край,
чтоб вытягивала неистово
та веревочка — к Богу, в рай!

СМЕРТЬ ОГНЯ

Он лежал ничком, подставив спину.
Как контрольный выстрел киллера, —
встав в кружок, нетрезвые мужчины
поливают скорбно труп костра.

ЗОЛОТАЯ СИНЕВА

Сколько пляжных песчинок!
Сколько в женщине пор!
Внешность с первопричиной
за Тебя ведут спор.

В каждой поре — песчинка.
Сколько времени? Но
все часы — на починке!
Время засорено.

Сколько мы насорили
в этой жизни с Тобой!
Скольких мы озарили
золотой синевой!

Эти брызги сухие
точно искры души.
Что кому вы сулили?
И кого подожгли?

Но едва опочили —
просыпаетесь вы
в ореоле песчинок
золотой синевы.

Как в восторженном страхе
вихревого столба
Ты крутилась, вытряхивая
целый пляж из себя!

Никакие бесчинства
тех, кто в Юрмале был,
не заменят песчинок
ювелирную пыль!

Даже в Юрский период
на руке бытия
две песчинки прилипли —
и Твоя, и моя.

Что еще подсказали,
сквозь загар не сильны,
синячки под глазами
золотой синевы?

Все окажется лажей.
Вновь очутитесь вы
в белом золоте пляжа
и чуть-чуть синевы.

В том тумане не ясно,
где и кто ты такой...
Я с Тобой обменяюсь
золотою ногой.

ЛЕНА ВСКРЫЛА ВЕНЫ

Было в Барнауле или в Обнинске.
Крики телефонные равны нулю:
«Баба резанулась. Вы что там, стебнулись?!
Неотложную».

Скульптор Неизвестный, бинтуй свой мебиус!
Женщина нетрезвая качнет права.
Вспомните про Фурцеву... Ванная — как лобиио...
Неотложку, Господи! Еще жива.

Все равно косуле, какой в ней резус.
Так самоубийственно живет трава.
Спишь в хрустальной маске,
царевна зарезанная. Еще жива...

По якутским льдинам бомбы молотили.
Лена вскрыла вены.
Речь ненормативная, жизнь ненормативная —
Необыкновенная.

Лена вскрыла ленность наших джентльменов.
Мама мыла раны. Лена вскрыла вены
Мы в беде по крышу или по колено.

Вы хотели Китеж?
Лед мальчонку свалит.
Под водой увидишь
домики на сваях.

Все имеет финиш. Только смерть нетленна.
Прекратите хипеш! Вырвемся из плена.

Истрадались реки. Вены вскрыла Лена.
В ложных преступлениях мы живем без лонжий.
Дай отдохновения, Боже неотложный!
Ну, хоть постепенно...

Половодье. Дума вопит о роспуске.
Гляньте, алюминиевая братва:
Разметав протоки и рукава,
Россия вскрыла вены. Неотложку, Господи!

Если неотложка еще жива.

ВЕТРЕННО

Ветер
гуляет по выставке Фешина.
С петель
срывающиеся повешенные.

Сеттер
прилип к потолку,
словно тряпка уборщицы.
Ветер свободы, ветер убожества!

В Питер
умчалась ты — я не заметил. —
Ветер...

* * *

Ходит по пляжу рижскому мусорщик
в белых перчатках.
К муксусным бабам, к варварской музыке
он непричастен.

Жизни поспешные, споры о першингах,
губ темперамент —
в тихий мешок эти белые перчики
нас убирают.

Русский, латыш ли — кто кому должен?
Время списало.
А у перчаток — чуть желтые доньшки,
как писсуары.

Все, что кружилось, что цепенело,
душ отпечатки —
собраны революционером
в белых перчатках.

ЛИФТ ЗАСТРЯЛ

В лифте, застрявшем от перегрузки,
под потолком в виде капель наш выдох.
Ты по английски сказала: «Вы — русские.
Где выход?»

Русская тема, пардон, моветонная.
Век свихнут.
Кровью мы ищем, духовные доноры,
свой выход.

Чавкает сердце. Темень и сетка.
Спичкою вспыхнут.
Кто-то под юбкою у соседки,
ишь, ищет выход.

Шлемы трещали электросваркой...
Но этот выход
не находил гениальнейший Вагнер
Рихард!

Рафаэль Санти, лгать перестаньте!
Секс колбасится.
Пошлость витрин провоцирует анти-
глобалиста.

Вы хоть Россию избавьте от правил
взаимовыгод.

«Выхода нет, — проповедовал Павел, —
значит, есть выход».

Нету идеи. Как неприкаянно
где-то, без дела,
воет без нас, потерявши хозяина,
бродит идея.

Я вырываюсь из лифтовой клетки,
выломав дверцы.
Нет входа в Рай. Снова шахта и сетка.
Входа нет в сердце.

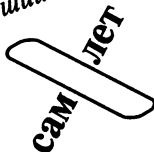
Петр искривится улыбкою месяца.
Черна свобода.
Чавкает сердце. Выход имеется.
Только нет входа.

Нет входа.

TRADE CENTER

Америка по всем программам:
«На что способен Человек?»
В глазах — обломки черной рамы
НЕ ПОНИМАЮ НИЧЕГО.
Все это было не макетом,
не Голливуд на нас попер.
Ревет дымящийся Манхэттен,
как потерявший зуб бобер.

Чей

вбит

в стену

кляксой?

Он тыщи жизнью уволок.
Цивилизация — в коллапсе.
Избави Бог! Избави Бог!
И траффик душ, спеша
расстаться,
крутился зло и горячо.
Кому несут москвички астры?
Кому еще?.. Кому еще?..
И сероглазую студентку,
глазевшую на Пентагон,
оберегите, не заденьте!
Скорее, милая, бегом.

Есть вечность зла.
Есть свет и вечность.
Дышала, схожая с Тобой,
мучительная человечность —
какой ценой? какой ценой?

Как здорово, что столько доноров.
У крови лидеры свои.
Смысл жизни не в рублях и долларах!
А на крови, а на крови.
Нам остается только тайна.
Осталась пыль. Остался гул
от сухопутного «Титаника»,
который в небе затонул.

*Большая кровь побила рейтинг
былых эпох За что нам. Бог,
кровавого тысячелетия
непредсказуемый пролог?
Иное наступает время.
Иные слава и позор
еще не ощутимы всеми.
Но счет пошел, но счет пошел.
Все будет: счастье, мелодрамы,
успех, в любви — волюнтаризм.
Но в черной раме, в черной раме
на всю оставшуюся жизнь.*

* * *

Ночами из зубцов кремлевских
встают шеренгой мертвяки,
тоскою безголовых торсов...
Над вырезами их матросок —
пустынные воротнички.

ОТКРЫТИЕ В НОВГОРОДЕ ПАМЯТНИКА 1000-ЛЕТИЮ РУСИ

Академику Л. В. Янину

Спадает простынь, как труссы...
Бунтарь, мастеровой, холуй
в «Тысячелетии Руси»
отлил в металле слово «икс».

Ни Царь, ни скульптор не увидел,
ни дам взволнованный журфикс,
что нес на лбу священный идол
три выпуклые буквы — «икс».

Вдруг что-то значит по-китайски
во лбу наморщенное «икс»?
Мне академик без утайки
расшифровал его эскиз.

Умолкли тосты и мортиры.
Но русский гений всех сгребал —
бессмертный и ненормативный
гудит оправленный в металл.

ЧЕРЁМУХА БЛАГОУХАННА

Черёмуха благоуханна.
Повсюду пенятся фужеры.
Не проверяйте мне дыхания,
хмельные милиционеры!

Замёрзшие, как богдыханы,
лягухи певчие стесняются.
Черёмуха благоуханна.
Белеет крестик христианства.

Сказав печалям: «Гоу хоум»,
закатим, милая, в Суханово.
Альтернативную плохому
черёмуха благоуханна.

Не знаю, как сказать по-русски...
Но ухами или ухами
слыхать: ты в уханьи порубки
особенно благоуханна.

Пропахнет всё дыханьем ромовым,
когда, как нищенку из храма,
я приведу домой черёмуху.
Черёмуха благоуханна.

КЛАССИКА

Бровь нахмурится над спецовкой.
Пальцы вечностью затекут.
Илья Муромец васнецовский
отдает пионерский салют.

И Димитров на Якиманке
в кулаке, насшибав рубли,
поднял кружку пива. Но панки
кружку, видимо, увели.

Гамаюн надевает джинсы.
Третья Стража уходит в рейд.
Оживают иною жизнью.
Как бы в эту жизнь penetrate!

Это Нерль в небоскребе
проветривается?
Стоп!..
Возмущая во мне поэта,
из меня проступает стиб.

В карбюраторе ржут россинанты.
Не хочу быть в толпе комет!

Я хочу к Тебе, россиянка,
без которой России нет.

Без которой не разобраться,
без которой страсть — велотрек,
без которой жемчужным блядством
обернется Тулуз-Лотрек.

ВЕСЕННИЕ БЕЛОГОНКИ

Чемпионы новой веры
мчатся, галок распугав, —
VELO-VELO — ПРИМАВЕРА! —
VELO-VELO-VELO-LOVE.

Повело кота налево!
В Думе полевел состав.
Многоженство просвистело —
VELO-VELO-VELO-LOVE.
Душа рвется из физтела.
Завихренья в головах.

Трассу пробуем, набычась.
Не пойдем, ни Ты, ни я,
неземную необычность
головокружения.

Эй, любовники пространства!
Крутит цепи бытия,
в руль, как кот,
вцепившись страстно,
жуть горизонтальная!

Где камейка? Курит травку.
Позабыла свой анклав.
Не скамейка, а make-лавка.
Velo-velo-velo-love.

Все велюровое лобби,
шеф, руководитель лаб,
машут шляпами с дороги.
Сердце переходит в ноги.
Velo-velo-velo-love.

Вешний паводок пронесся,
любопытных раскидав,
Из сугроба дрыгнут ножки,
точно дужки от оправ.

Руль бодается рогами,
шины пробуют настил.
Так на раме, вверх ногами
бык Европу увозил.

Было все. Сирена выла.
Разбиваемся стремглав.
Руль вонзался в грудь, как вилы.
Velo-velo-velo-love.
Христианство — костоправ.

Запад — ложь. Восток — химера.
Западло по части прав.
Побеждает только вера —
Вера — velo-velo-love.

Уважаю Челентано —
извините за трюизм, —
он войне предпочитает
сексуальный терроризм.

Кровной мести изуверство
Ты, весна, останови.
Воскресенье — это верба,
месть великая любви.
Мир вербальный не узнать:
верба — дочь, вербена — мать.

Прозевай нас, Азazelло!
В белокаменных церквах
прозвенела примавера:
velo-velo-ax!

Love you, город златоглавый!
Love you, солнце на щите!
Мы уходим от облавы
по просохшему шоссе.

Обовью тебя любовью,
христианством смерть поправ.
Остальное — суесловье.
Velo-velo-velo-love.

Любо сердцу на балу,
даже биться перестав:
«Я болю-болю-болю»
Velo-velo-velo-love.

БЕЛЫЙ КЛОУН

Чёрный траур — сердцу травма.
Но, как белая рояль,
существует белый траур,
будто белая печаль.

Наши карточки для паспорта:
Божья — наискось! — рука
белой траурною фаскою
обвязала с уголка.

Несерьёзностью момента
оттеняя вечный шах,
белой траурною лентой
надеваю белый шарф.

Вот зачем бледнее мела,
зля ученого ханжу —
(все в дерьме, а я весь в белом) —
белоснежно выхожу!

БАРД В ПОГОНАХ

О. Рубежову

В чужеземных небосклонах
Продолжается полет.
Бард в погонах, бард в погонах
Мне об ангеле поет.

Ночь как чайная заварка
Наступает за окном.
Ночь темна как косоварка.
Только песня не о том.

И когда Анастасию
Называют не дыша,
Будто душу занозили
Просыпается душа.

Предстоят такие стрессы!..
Чай нельзя на посошок.
Дай нам водки, стюардесса,
По глоточку «on the rock».

И тревожно, и наклонно,
Сделав ласточку, на нас
Смотрит ангел,
За погоны
как за поручни держась.

ЗА ЗВУКОВЫМ ПОРОГОМ

Табун самолетов врывается в быт.
От децибелов срывается плитка.
Топот табунный. Топот копыт —
П Ы Т К А!

Съехал сосед мой, тех мук не стерпя.
Корчи ребенка.
Наши бомбят! Я не слышу Тебя!
В сердце лопнула перепонка.

Душ состояние аварийное
сна Переделкину не прибавило.
Будьте вы прокляты, авиалинии
дьявола!

Курс проклиная, который мне сгрыз
печень.
В небе свихнулся упившийся вдрызг
диспетчер.

Что же ты душу в расчет не берешь,
свистом разбойничьим,
брюхом касаясь невинных берез?!
В поле завяли все колокольчики.

Крест на церковке нашей дрожит.
И вопреки христианским инстинктам
просит у неба, целясь навскид:
«Стингера!»

Рев не от демонов к людям глухих —
а пассажирами брюхо набито.
Одни несчастные глушат других.
Вот что обидно.

* * *

«И far niente — мой закон»

«Евгений Онегин»

Негу законную на себя наденьте.
Мы — воры в законе. Dolce far niente.

Вечности воруемой не сбежать из дома.
Между поцелуями — тайная истома.

Долгая секунда тянется неделями —
сладкая цикута ничегонеделанья.

НТВ и в праздники выдаёт фрагменты.
Мы ж погрязли в праздности. Dolce far niente.

Мы не вылезаем из ничегонеделанья.
Вся цивилизация — крестик Твой нательный.

Позабудьте цельсии или фаренгейты.
Жизнь ценна бесцельностью. Dolce far niente.

Длится процедурный перерыв в истории.
Между поцелуями — сладкая истома.

**ДЫМОК
НАД
ПЛ. МАЯКОВСКОГО**

ДЫМОК НАД ПЛ. МАЯКОВСКОГО

Туристический автобус — хвост морковкой
— из Турина.

МАЯКОВСКИЙ: — Фу, туристы...

АВТОРИТЕТ: — Повторим, дед!

МАЯКОВСКИЙ: — Тьфу, туристы...

Дымок струится.

Метро. Телка Валерия с Димой-киллером.

Фавн с метлой и ведром, как с кивером.

Киллеры, пейте ликеры!

Путаны, жуйте бананы!

Входит уполномоченный с ментами,

УПЫРЬ НАМОРЩЕННЫЙ (сентиментально):

— Ух, порно-ноченьки!

Как я одинок...

Я — Демон, нью ноу-хау Хаоса.

(Принюхивается.)

А, дымок!..

(Телке.) Куришь? Травку?

ТЕЛКА: — А хулишь? Есть справка.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ: — Конопля? Во, бля!

(Затягивается.)

КИЛЛЕР: — Петля затягивается.

ТЕЛКА: — Забирает?

(Телку забирают.)

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ: — Упор на Моцарта
И на А. П. Чехова.

И на абчественность.

Вырву яйца вашим «Мумий тролям»...

Ситуация под контролем.

КИЛЛЕР *(обиделся)*: — Мир обидился.

Телку? В камеру?

Всенародную невесту?!

Сюда телекамеру протеста!

МЕНТЫ: — Где склад наркоты?

В Киеве? В Туве?

КИЛЛЕР: — В НТВ!

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ:

— В уборной молятся

МАЯКОВСКИЙ:

— Фунт урины.

Тем не менее темнеет.

Телка несознанку мелет.

ТЕЛКА: — Неисповедимы

сострадания пути.

Дима, мальчик из МАДИ,

МАДИМАДИМАДИМА, Дима!

Ты меня освободи!

Алло, МК?

(Начинается ломка.)

Всю страну ломает, Дима!

Вибрация лишает сна.

Дима, жить невыносимо!..

(Выбрасывается из окна.

Выстрел.)

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

(шаги убыстрил):

Оба-на!

У, полно, мочи нет...

Я выстроил

Всю полноту картины...

Кретины!

Опять не ту...

НТВ: — Нету Лерки — леркилеркилеркилер...

КИЛЛЕР:

— Молчу. Отомщу. Замоchu.

Не стой под сифоном!

Не портъ промоушен.

АФИША:

— Малер. Вторая симфония Моцарта.

КИЛЛЕР *(достает шмалер.*

Стреляет. Мочится).

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ:

(упал, намоченный).

И мокрые губы шепнули: «Демокр...»

Над теплым асфальтом струится дымок.

ДУХ ТЕЛКИ: — Сваливаем, Димок!

КИЛЛЕР: — Простимся, Лера. Я тебя любил.

Я выстрелом тебя освободил

От наркоты и темных сил.

Свобода — смерть...

Была ты слишком хороша

Для жизни, пленная душа.

Но это скроем.
(Стреляется.)
Ситуация под контролем
выстрела в затылок.

*Врачи вычисляют количество дырок.
Из одной, гелиотропом
и раскаянием дыша,
Струйкой дыма, точно штопор,
Испаряется душа.
И белеют, далеки,
Люди, как грибы-дымки.*

АФИША: — Мясковский, Фуга. Ты.
Стравинский.

*Над брошенной пушкой дымок струится,
Как дыхание в тифу...*
МАЯКОВСКИЙ: — Тьфу, трюизмы...

Лера! Дима! Как-то странно —
Жить, любить — и больше никогда.
Неужели только порно-прана?
Неужели просто два дымка?
Ни души. Ни ДНК.
Нелюдимой стужи череда.
Жизнь. Небытие. Нирвана.

Никогда. Вернее — *навсегда*.

УВЫ

«Разговор с фининспектором о поэзии».

Фабзайцы и Маяковский.

Разговор Дельфина со Спектором — полный

абзац МКовский!

Кутузовский глаз проспекта

туман затянул восковкой.

Ах, ленточка одноглазой фальмалогичной Москвы...

ПАМЯТНИК ИМПЕРАТОРУ

Ворона села на орла,
засрав двуглавую корону.
Удостоверила ворона,
что выше уровнем была.

От Александра, пусть Второго,
Финляндия произошла.

Хельсинки, 2001

ДОЧЬ СОЛНЦА

Море подзалетело.
Народилась коса.
Синева золотела,
вспоминая Отца.

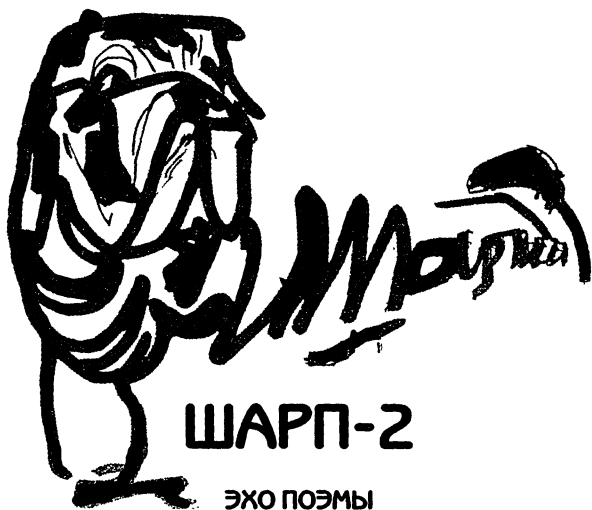
* * *

В тебе живет сияние. Безжалостно
из тьмы пупок проколотый мигнет.
Меж топиком и джинсами, как жалюзи,
просвечивает солнечный живот.

СОН

На захваченный монстрами остров
меня выбросил океан.
Я ползу. Переломан мой остов.
Я слабею от ран.

Мне на помощь с лопатой могильной
поспешает двуногий собрат.
Я Тебя по ракушке мобильной
не успею набрать.

ШАРП-2

ЭХО ПОЭМЫ

РЕЙТИНГ

ДЕСЯТИ САМЫХ-САМЫХ

1. Рединг (замок)	1. Шар-пей
2. Собака Баскервилей или колбаски на гриле (для самок)	2. Хоккей
3. Немцов — (для самцов)	3. Рыцари (псы)
4. Бим — черное ухо	4. Рынок попсы
5. Любимов	5. Кирико: «Братва»
6. Чернуха	6. Группа «БИ-2»
7. Меньшиков — (без сменщиков)	7. Любимов
8. Раменская попса	8. Кубо-футуристы
9. «Жирик, пожирающий мопса» (картина МОСХа)	9. Буба Кикабидзе
10. Шар-пей	10. Камикадзе
11. Шелупонь (набор всяких паршей)	11. Мобильник
12. Рокфеллер	12. Глобальный могильник
13. Ротвейлер	13. Век-волкадов
14. Собака Павлова	14. Песенка из кино: «Love-love, по, по, гав-гав!
15. Балерина Павлова	15. Но...»

По новому рейтингу
Шар-пей обогнал даже Ладу Дэнс.
Шар-пей — молодец!

Хозяйка

Мне подвластны времена,
душ мозаика.
Но сегодня Ты — моя
Хозяйка.

Твой невидим поводок,
но как жарко
из Тебя исходит ток,
Хозяйка!

Я готов бежать вниз,
сквозь облаву,
за Тебя весь мир сгрызу,
всех облаю.

Что людская мне молва?!
Жизнь — козявка.
Лишь бы Ты была моя —
Хозяйка.

Продадут все кореша,
разуверься.
Только вера хороша,
только верность.

Как эпоха ни темна,
я по запаху
узнаю, что ты моя
Хозяйка.

Озари своей любви
даром песни.
Я пою не по-людски —
по-шарпейски.

От меня Ты в синяках,
в сердце — зябко.
Я засну в твоих ногах,
Хозяйка.

1

Крутятся как пропеллер в обшарпанных
улицах
Шар-пей прогуливается.

Сожмется ротвейлер как мокрая курица.
Шар-пей прогуливается.

Он, профилем внешне
похожий на Кастро,
из тюбика вежливо
выдавит пасту.

Пускай федеральный не тронет закон
души кафедральный заутренний звон!

Подобного кайфа
не купишь за баксы —
пить чай или кофе
с урчаньем собачьим

На небе лист клена — как след-загогулина...
По небосклону шар-пей прогуливается.

2

«Шар-пей — пружинка от шарнира
для переустройства мира», —
российский говорит Де Ниро
возле Даниловского рынка
напуганно.

Стручок гороха — как ширинка
на пуговках.

3

Давеча,
Шар-пей встретил Удавщика собак,
Шар-пей подумал: «Удавщик — слабак».
И превратился в коробчатого змея.
Держи шар-пея!

Удавщик за ним:
«Ну, блин!»

У шар-пея
щеки спускались на уровень шеи.
Видя, что положено сосово,
шар-пей превратился во Франца Иосифа.
Газоны. Вазоны. Камзолы венского стиля.

Удавщика к императору не пустили:
«Вход по пропускам. Только для царей».

Живи, шар-пей!

4

Шар-пей превратился в телекамеру студии
«Останкино».

Удавщик вызвал ОМОН.

Шар-пей превратился в гусеницу танка.

Удавщик вызвал войска ООН.

От шмона

спасла такса Мона.

Она сообщила, что именно удавщик
является членом сербского ЦК.

Пока

выясняли и уладили,

шар-пей уже дома пил чай с оладьями.

5

Над ним опускался
Удавщика крюк.
Шар-пей применил
старый трюк:
прыг —
шар-пей превратился в Лилю Брик,
юркнул в шаровары брюк...
Тут набежали служительницы ЦГАЛИ.

Удавщика опять не пускали.

7

Даже в имени Каракозова
скрыта черная кара Косова.

Жизнь — шарада!

«Бультерьера утопили», — говорит тренер.
Буль-буль...
террор...

Шар-пей обнаружил террористов:
бульдозеристы, перебравшие дозу
плюс бабулька.

Чем ей не угодила собака?

На берегу лежит крышка бака.

Бабулька...
Буль-буль...
и никаких пуль.

8

**Каждый однажды был Шар-пеем
проверим:**

**Набойки нашим лапам обрыдли.
Набоков на ночь отстегивает брыли.**

**Облезлалая кожа кричала про
морозом ошпаренного Шпарро.**

**Не надо пластических операций.
Практически судьбы в морщинах таятся.**

9

Шарпей пошел в парикмахеры.
Звали его Шапиро.
СП перестал быть мафией.
Таланты пылали как сапфиры.

И Казаков, похожий на ребенка,
и Сапгир, похожий на тапира —
их всех равняло великая гребенка
шар-пея по имени Шапиро.

10

Между тем Удавщик настиг Шар-пея
Шар-пей превратился в шарик сорбея.
Удавщик проглотил.

«Отравили мороженым! — кричал Удавщик
Шар-пей — ты Арбенин!
Везите меня отсюда операировать! Скорее!
К Арбениной матери!»
Изнутри лаял Шар-пей.
Шар-пей растаял и растворился в его желудке.
Желудок залаял.
Живот разрезали, Шар-пей выскочил,
отряхнулся.
Удавщик пролежал еще неделю.

Шар-пей дома слушал радио
и пил чай с оладьями.

11

— *Пымаю, блин!*

Шар-пей обернулся скаткой солдата неотяевшегося.
Удавщик не решился сладить
с Защитником Отечества.

12

Шар-пей превратился в Попку.

Удавщик превратился в клетку.

Шар-пей обернулся попкой. Удавщик обернулся
ремнем.

13

— *Пымаю, блин!*

Шар-пей обернулся музыкой.

Удавщик — критиком некрасивым.

Шар-пей обернулся жмуриком.

Удавщик обернулся некрофилом.

14

— *Пымаю, блин!*

Купил он в купе билеты.

Удавщик обернулся пульманом.

Он мчался «авторитетом». Удавщик обернулся пулей.

— *Пымаю, блин!*

**Шар-пей превратился в зеркало и в нем затаился.
Удавщик превратился в камень антиглобалиста.**

16

— *Пымаю, блин!*

Шар-пей превратился в лайнер.

Удавщик — в минную подлодку.

Шар-пей превратился в подлодку.

Удавщик взял жену под локоть

и превратил в заложницу.

Какая, скажу вам, подлость!

— *Пымаю, блин!*

Шар-пей накрутил свои складки на локоть
и бросил утопающему.
Удавщик обрезал веревку и прикинулся паинькой.

— *Пымаю, блин!*

Шар-пей свернулся в рулон интеллектуалетной бу—
Maggi ИЗМЕНИТ ВАШУ СУДЬБУ!

19

— *Пымаю, блин!*

Удавщик умчался на третьей скорости.

Шар-пей превратился в мента, оштрафовал и отобрал
корочки.

— Пымаю, блин!

Шар-пей превратился в дверную цепочку.

Удавщик предъявил удостоверение и удар по почкам.

Шар-пей

— *Пымаю, блин!*

Шар-пей обернулся мышью. Удавщик — кошкой.

Шар-пей обернулся мыслью.

Удавщик — Думской комиссией.

— *Пымаю, блин!*

Шар-пей обернулся Горбачевым.

Удавщик обернулся Ельциным.

Шар-пей обернулся пивом бочковым.

А Удавщик обернулся писуаром.

23

— *Пымаю, блин!*

Шар-пей превратился в Лермонтова.

Удавщик превратился в демона.

Шар-пей превратился в Геракла.

Удавщик превратился в дерьмо

(авгиевых конюшен).

Мы всю жизнь конючим:

«Господи, Геракла пошли нам!»

Удавщик превратился в Шлимана.

24

А на койке больничной Удавщик икал и каялся:
«Жизнь — шар ада.
Чего не сделаешь ради зарплаты?
Простите, шар-пей, шар-пиха и шар-пята!
Но только не судите меня по законам шарията».

Он выписался. Скорбел желудком.
Но жизнь продолжала шутку:
шар-пей превратился в юношу,
Удавщик в старую проститутку,
шар-пей превратился в озерную гусеницу.
Удавщик превратился в утку.

Шар-пей пописал в утку.
Все веселились жутко.

25

На Арбате Шар-пей встретил Контрасобаса.
Тот как улитка, тащил на себе домик в виде

— На, шар-пей, поддержи мою бандуру, мне нужно
контрабаса
отлучиться
— Не могу, мне еще надо приготовить чай
с блинчиками,
а ты не переживай, считай, что несешь на спине
раненного товарища.

Шар-пей, подумав, вернулся, взял тяжелый контрабас
и держит,
когда оглянулся, увидел, что контрасобас улизнул.
И он так и держит контрабас на себе.

А из-за угла уже показались Собаксы, вечные враги
Контрасобасов...

Но это уже иная история...

Посвящение

*Благодарим Тебя, как умеем.
Чиркнув, щекочат, обняв за шею,
руки в царапинах от шар-пея,
щеки, целованные шар-пеем.*

*Видишь: отсюда и до Саратова
небо царапнуто.
Что еще людям надо? Наверное,
отдохновения.*

*Отдохновения утречка раннего.
Все одолеем.
Сердце счастливое — если ранено.
Сердце, царапнутое шар-пеем.*

ЭПИЛОГ

**Входите в двери. Разум струсил.
Но коробейником страстей,
завязанным в ужасный узел,
на грудь вам бросится шар-пей.**

**Красивей ангела и черта,
зачем он тычется опять
затянутою в узел мордой,
который вам не развязать?**

**РУССКИЙ
НОВЕЙШИНА**

РУССКИЙ НОВЕЙШИНА

Что там «новорусские»?!
В мир, испуг навевявши,
входят неворующие
русские новейшие!

Очень часто гений
на условность харкает;
что аборигены
называют «хакером».

Роковые Чацкие,
не поймут старейшины
рокового, чатского
юного новейшину!

Судьи в Калифорнии,
чем срока навешивать,
постигайте формулу
рифмы «innovation»...

Лишь бы вы, старейшины,
талант не угробили...
Русскому новейшине
присудите Нобеля!

МОСКВА. КРЕМЛЬ.

Восхищается толпа
у Иванова столпа:
«Нас красивый силуэт
изнасилует!»

МОНУМЕНТ

**Безветренна наша площадь.
зачем же перед Кремлем
подставили маршалу лошадь,
виляющую хвостом?**

* * *

Американские полицейские
в опешевшем Красноярске
привезли горсть земли
на могилу
Резанову от Кончиты.

Наши милиционеры
по разнорядке
привезут поцелуй воздушный —
Тарзану от Читы.

У ОЗЕРА

Живу невядалеке от озера.
Цвет осени ест глаза.
Как Красная книга отзывов,
отозванные леса.

Но нет в лесах муравейников.
Они ушли в города.
Заменена вертолётот
отозванная стрекоза.

Хоть мы с земли не отозваны,
но в небеса спеша,
села на столб неотёсанный
отозванная душа.

* * *

Зимняя пробка
у зоопарка.
Бензином и розами
Зоя пропахла.

«Родившиеся в апреле
Не менее прекрасны чем шар-пеи».

ЛЫЖНИК

Лыжник летит по небу, беся дураков,
Пригнувшийся к лыжам, как дырокол.

Прижавшись к лыжам, по небу паришь,
Любовник лыж!
Час парит, два часа, три часа...
Возвратите лыжника, небеса!

— Он — невозвращенец. Держи, лови,
в мир, где все меняется на рубли.
— Он разбился насмерть. Мордень в крови.
— Я вернусь, когда кончу обряд любви.
Концы лыж согнутся, как поцелуй.
— Секс-символ гнусный, не озоруй!

Милиция вызвала вертолет.
Невозвращенец в ответ поет:
«Я — невозвращенец. Бессмертен мой статус.
Как кисть Возрождения, я в небе останусь.
Не делайте тайны из страсти своей.
Я горизонтальный пример для людей».

СОНЕТ-ЭКСПРОМТ

Измучила нас музыка канистр.
Лишь в ванной обнажаем свою искренность.
Играй для Бога, лысый органист!
Сегодня много званых — мало избранных.

Как сванка, плотный спустится туман.
Пуста Россия, что светилась избами.
И пустотело выдохнет орган:
«Как много нынче званых —
мало избранных».

Но музыка пуста, словно орган.
И космополитична, как алкаш.
Нет для неё ни званых и ни избранных.

На шесть стволов нас заказав расхристанно,
Бах поднял воротник, как уркаган.
Из бранных слов мы постигаем истину.

* * *

Когда же я очнулся, я увидел,
что рядом на одном из берегов,
лежали раковины без мидий,
раскрытые как футляры от очков.

Мгновения эти назывались жизнью,
их кто-то нас волною примерял.
Сверкали проницательные линзы.
Как Божьи искры. Мы — лишь их футляр.

НИЩИЕ

Бабка, сверстница СМЕРШа,
Преградила дорогу мою.
Говорят, она — миллионерша.
Я не ей, я себе подаю.

* * *

За что нам на сердце такие рубцы?
Куда же всё денется?
И кем пожираются, как голубцы,
спелёнутые младенцы?..

Ну ладно б меня. Но за что же Тебя?
Запястье в прожилках...
Живёшь, сероглазую муку терпя.
Скажите прижизненно!

Куда же нас тащит наружу рыбак? —
боль в сердце вопьётся —
зачем содрогается на крючках
проклятых вопросов?

ОКСАНА – 2001

Мы все не шар-пеи,
Скорее дворняги.
Не люди-аллеи,
А люди-овраги.

Сейчас не дворянка
мне честь оказала —
А полудворяга
по кличке «Оксана».

Родители — самая
пьянь беспробудная.
Ютилась Оксана
с собакою в будке.

Херсонские плавни,
галушки, вареники...
Дошкольница лает
на четвереньках.

Оксана, согрейся,
прижавшись щеками.
Оксана, скорее
в тепло меж щенками!

Земля въелась в руки.
Умом слабовата
растешь ты неврущая,
как собака.

Каков беспредел,
когда в нынешнем мраке
от наших людей
спасают собаки?!

Игрушки кустарные
отодвинула.
А вдруг бы ты стала
Рената Литвинова?

Виновен кто? НАТО?
Но мама собачья
Тебе снится Найда,
все ищет и плачет.

Пацанке не надо
ни Лед, ни Данай
данайданайданайданай —
Н А Й Д А.

Прощай, ненайденыш!
Далекое — близко.
С луною на донышке
облизанной миски.

Постыднейший Гиннес.
И Найды касание.
Оксана, прости нас!
Не надо, Оксана.

МАРЬЯНА

Эта женщина — многострадалица,
За чужие беды — удавится!

Дальнозоркая многостаночница
ей далекий родным становится.

Сердцем в боли людские тычешься,
осчастливливаешь, многотысячница.

Мука жить, в окоем аукая,
Лишь в дому своем — близорукая.

* * *

Кого боится Вирджиния Вульф?
Того, кто боится схватиться за гульф.

ТАЙНА

Подшивайте глаза Шар-пею!
Глазники, не порежьте тайны!
Чувство складчатое сопело,
как спираль Гугенхайма.

Мчались черные махаоны,
как складные очки джазмена.
Плыл любовью дистанционной
шевелиющийся куст жасмина.

Пчел мохнатые гениталии,
опыляя цветы, летали.
Красота — эротики вроде.
Порнографии нет в Природе.

И как запонки, божьи коровки
так сцепились — что всем неловко!
Мировая тоска скорбела
в неподшитых глазах Шар-пея.

А в глазах его — как камоды,
обнимаются бегемоты.
И царя опустивши, мантия,
словно снежный барс обнимается.

Мыслил бык. Страдали улитки.
Тень Ромео с Джульеттой плавала.
Про все это даже под пыткой
не призналась собака Павлова.

И крутились стручки гороха,
сумасшедшие, как подшипники.
Ты ослепла что ли, эпоха?!
У тебя глаза не подшитые.

Но повсюду — в толпе, на лавочках,
Непорочно, чисто и юно
целовались в Париже парочки...
«Как собаки!» — сосед мой сплюнул.

Где собаке до Человека,
в смысле подлости, порноспеси — !
Не закапывайте внутрь аптеку!
Не хватайте врача за пейсы...

У Шар-пея в глазу три века —
прошлый, нынешний и шар-пейский.

* * *

Был «человеком-экскрементом».
Устал от пошлости коллег.
Теперь я человек-легенда.
Легенда — тоже человек.

* * *

Вдову великого поэта
берут враги.
Стекает зависть по заветной,
по лунной стороне ноги.
Нет, ты ему не изменила.
С подушки в темноту зеркал
ты прошептала его имя.
Но он тебя не услышал.

* * *

В Тебе просвечивает гибель.
Душа елозит, дребезжа.
Внутри надломлена, как грифель
красивого карандаша.

* * *

В слезах, когда просыпаюсь,
пойму, что береза — это
размятая Божьими пальцами
последняя сигарета.

СОН

Как одинокого Спинозу
на землю выбросит терракт
на ниточке мозга спинного
мой не погибший интеллект.

От чувства этого, наверное,
я просыпался потрясен,
и воскресал я на мгновение.
Но то был сон. Напрасный сон.

Но Время — это шар, летящий по наклону

МАТЬ

Охрани, Провидение, своим махом шагреновым,
пощади ее хижину —
мою мать — Вознесенскую Антонину Сергеевну,
урожденную Пастушихину.

Воробьишко серебряно пусть в окно постучится:
«Добрый день, Антонина Сергеевна,
урожденная Пастушихина!»

Дал отец ей фамилию, чтоб укутать от Времени.
Ее беды помиловали, да не все, к сожалению.

За житейские стыни, две войны и пустые деревни
родила она сына и дочку, Наталью Андреевну.

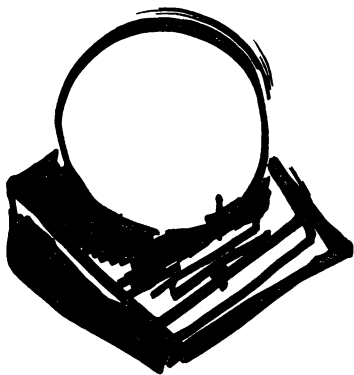
И, зайдя за калитку, в небесах над речушкою
подарила им нитку — уток нитку жемчужную.

Ее серые взоры, круглый лоб без морщинки,
коммунальные ссоры утишали своей
беззащитностью.

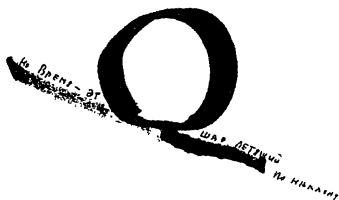
Любит Блока и Сирина, режет рюмкой пельмени.
Есть другие россии. Но мне эта милее.

Что наивно просила, насмотревшись по телеку:
«Чтоб тебя не убили, сын, не ездй в Америку...»

Назовите по имени веру женскую,
независимую пустынноицу —
Антонину Сергеевну Вознесенскую,
урожденную Пастушихину.

сам в форме отточу,
сам рядом врую лавочку.
Чтоб кто-то век спустя,
с сиренью индевеющей,
нашел плиту «б а»
на старом Новодевичьем.
Согбенная юдоль.
Угрюмое свечение.
Забвенною водой
набух костюм вечерний.
В душе открылась течь.
И утешаться нечем.
Прости меня, отец,
что памятник не вечен.
Я за тобой бежал —
ты помнишь? — По перрону.
Но время — это шар,
скользящий по наклонной.
Я — памятник отцу,
Андрею Николаевичу.
Я лоб его ношу
и жребием своим
вмещаю ипостась,
что не досталась кладбищу, —
Отец — Дух — Сын.

* * *

Вижу, как сон, — ты стоишь в полукруге
новых подруг девятого дня.

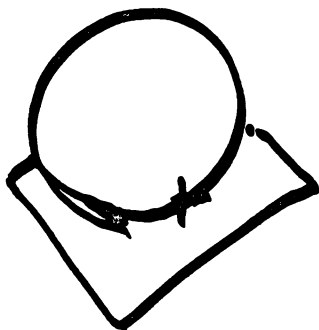
Сосредоточенно, но не в испуге,
будто в обиде, не видишь меня.

А по спине под Луной купоросной
льется волос распущенных вал.
Мало я знал тебя простоволосой.
В детстве проснувшись, в пучке заставлял.

Ты была праведница, праведница!
Кто ты теперь? Дай мне знать как-нибудь.
Будто с заминкой какой-то не справишься.
Я не решился тебя спугнуть.

Видно, стояла перед астралом.
Или русалка какая шутя,
меня разыгрывала, отсталого!
Еще секунду я видел тебя.

Темной тревогой вздрогнуло тело —
мать пролетела.
Милое дело. Обычное дело.
Мать пролетела — жизнь пролетела.

* * *

Я отменил материнские похороны.
Не воскресить тебя в эту эпоху.

Мама, прости эти сборы повторные.
Снегом осело, что было лицом.
Я тебя отнял у крематория
и положу тебя рядом с отцом.

Падают страшные комья весенние
Новодевичьего монастыря.
Спят Вознесенский и Вознесенская —
жизнью пронизанная земля.

«Благодарю тебя, что родила меня
и познакомила этим с собой,
с тайным присутствием идеала,
что приблизительно звали — любовь.

Благодарю, что мы жили бок о бок
в ужасе дня или радости дня,
робкой любовью приткнувшийся лобик —
лет через тысячу вспомни меня».

Я этих слов не сказал унизительно.
Кто прочитает это, скорей
матери ландыши принесите.
Поздно — моей, принесите — своей.

ПОХОРОНЫ ЦВЕТОВ

Хороните цветы—убиенные гладиолусы,
молодые тюльпаны, зарезанные до звезды...
С верхом гроб нагрузивши,
на черном автобусе провезите цветы.

Отпевайте цветы у Феодора Стратилата.
Пусть в ногах непокрытые Чистые лягут пруды.
«Кого хоронят?» — спросят
выходящие из театра. Отвечайте: «Цветы».

Она так их любила, эти желтые одуванчики.
И не выдержит мама, когда застучит молоток.
Крышкой прихлопнули,
когда стали заколачивать,
как книжную закладку, белый цветок.

Прожила она тихо, и так ее тихо не стало...
На случайную почву случайное семя падет.
И случайный поэт
в честь Марии Новопреставленной
свою дочь назовет...

* * *

Что ж, потуши торшер
и поцелуй икону.
Но время — это шар, летящий по наклону.

Христос в нас задержал
инстинкты насекомых.
Но время — это шар, летящий по наклону.

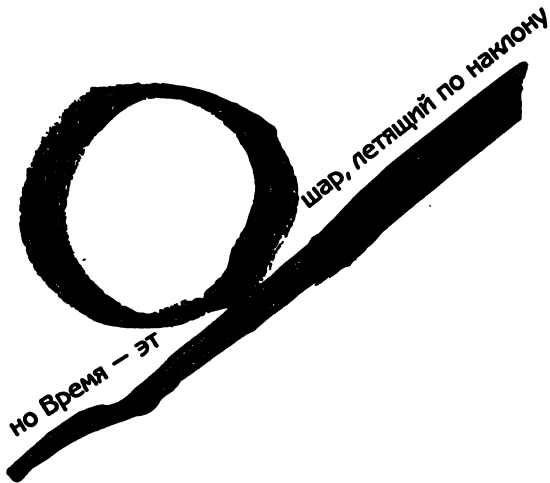
Клал пирамиды царь —
как клинья под вагоны. —
Но время — это шар, летящий по наклону.

Шедевр сооружа
или живя «на шару»,
мы служим шару — руша! — рушарушаруша —
шару.

Я треугольник груш
подкладывал на шпалы,
но миллиарды душ служили шару, шару.

Что, ж превратимся в шар, летящий по наклону.

Любимая, прощай!
Мы люди. Мы не клоны.

СОБАКАЛИПСИС

СОБАКАЛИПСИС

*Моим четвероногим слушателям
Университета Саймон Фрейзер*

Верю
всякому зверю,
тем паче
обожаю концерт собачий!

Я читаю полулегальное
вам, борзая, и вам, легавая!

Билетерами не опознан,
на концерт мой пришел опоссум.
И, приталенная как у коршуна,
на балконе присела кожанка.

Мне запомнилась — гибкой масти,
изнывая, чтоб свет погас,
до отказа зевнула пастью,
точно делают в цирке шпагат.

С негой блоковской Незнакомки,
прогибающаяся спиной,
она лапы, как ножки шезлонга,
положила перед собой.

Зал мохнат от марихуаны,
в тыщу глаз, шалый кобель.
В «Откровении Иоанна»
упомянут подобный зверь.

Грозный зверь, по имени Фатум,
и по телу всему — зрочки.
Этот зверь — лафа фабриканту,
выпускающему очки!

Суди, лохматое поколенье!
Если не явится Бог судить —
тех, кто вешает нас в бакалейне,
тех, кто иудить пришел и удить.

И стоял я, убийца слова,
и скрипел пиджачишко мой,
кожа, содранная с коровы,
фаршированная душой.

Где-то сестры ее мычали
в электрооильниках-бигуди.

Елизаветинские медали
у псов, поблескивали на груди.

Вам, уставшие от «мицуки»,
я выкрикиваю привет
от московской безухой суки,
у которой медалей нет.

Но зато эта сука — певчая,
И уж ежли дает концерт,
все Карузо отдали б печени
за господень ее фальцет!

Понимали без перевода
Лапа Драная и Перо,
потому что стихов природа —
не грамматика, а нутро.

Понимали без перевода
и не англо-русский словарь,
а небесное, полевое
и где в музыке не соврал...

Я хочу, чтоб меня поняли.
Ну, а тех кто топчет стихи,
просветит двухметровый колли,
обнаруживая клыки.

Европа-плюс — плюсплюсплю — сплю с...
АПОКАЛИПСИС ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ЧАСА
А пока липси и «ча-ча-ча».

ЧЕЛОВЕК ПОРОДЫ СЕНБЕРНАР

Выбегает утром на бульвар
человек породы сенбернар.
Он передней лапой припадал,
говорили, — будучи в горах,
прыгнул за хозяином в завал
и два дня собой отогревал.
Сколько таких бродит по Руси!
Пес небесный, меня спаси.

Я его в компаниях видал.
Неуклюжий и счастливый раб,
нас сквозь снег до трапа провожал,
оставляя отпечатки лап.
Сенбернар, подбрось в аэропорт!
Сенбернар, сгоняй за коньяком!
И несется к вам во весь опор
верный пар над частым языком.

Изо всех людей или собак
сенбернары ближе к небесам.
Мы не знали, где его чердак.
Без звонка он заявлялся сам.

Может, то не лапы, а шасси!
Пес небесный, меня неси.

Пес, никто не брал тебя всерьез.
Но спасал, когда нас забывал
человек по имени Христос,
человек породы сенбернар.

Вдруг в одной из наших Галатей
он увидел бедственный сигнал
и, как в пропасть, бросился за ней.
Брось! Будь человеком, сенбернар.

Позабыл, что взят ты напрокат.
Наша жизнь — практически буран!
Женщинам не надо серенад,
был бы на подхвате сенбернар.

«Я родился быть твоим рабом,
волочить из бездны на краю.
Только жизнь тебе я подарю
на снегу, от вмятин голубом».
«Будь же человеком, дуралей!
Разбудил. Замучил. Отдышал.
Ты — четвероногая метель,
мой уже последний перевал».

Для других спасает сенбернар.
Человек влюбился для себя.
Мы на возмущенный семинар
собирались, кару торопя...

Он пришел. Нашарил в кухне газ.
Снял ошейник. Музыка врубил.
И лежал, не открывая глаз,
пока сенбернара не убил.

С той поры в компаниях пропал
человек породы сенбернар.
Как метель гуляет по Руси!
Пес небесный, меня прости.

* * *

На улице, где Ты живешь,
перед прощальной дорогой
ко мне прибился странный пес —
чертополох четвероногий.

Нефаустовский кобель —
моя изнанка, дух, запасник —
собрание низменных скорбей.

Отец по складу был собачник.
А мне ж, эстрадою запачканному,
в душу вонзается репей.

ЩЕНОК ПО ИМЕНИ «АВОСЬ»

Как ты живешь, Авоська,
без сосен без савойских?
Московская француженка,
мадемуазель Авось.
Потешно вдоль Манежа
бежит щенок надежды.
Как кожаная кнопка
блестит потертый нос.

Нажмите вы на кнопку —
и вы у Сены знобкой,
а может, дальше — в небе,
где Гончий Пес?..
Когда ж вы не без фальши —
останетесь без пальца.
Авось, не потеряйся!
«Авось, — зову, — Авось!»

Авось, тебя лечили
от злостной пневмонии.

Горел в снегах простуженный
сухой горячий нос.
«Авось!» — визжат вахтеры,
и тормозят шоферы
автобусных колес.

В собачьих магазинах
есть вкусные резины —
пропитанная кость.
И всюду тумбы те же —
у Лувра и Манежа —
и можно писать вкось.

Люблю пожар Парижа!
И в зелени, как рыжики,
ампиры обрусевшие
особняков в Москве!
И модница Парижа
мигнет, примерив пыжик.
Авось не зря построил
Манеж Бове...

ОСЕНЬ В СИГУЛДЕ

Свисаю с вагонной площадки,
прощайте,

прощай мое лето,
пора мне,
на даче стучат топорами,
мой дом забивают дощатый,
прощайте,

леса мои сбросили кроны,
пусты они и грустны,
как ящик с аккордеона,
а музыку — унесли,

мы — люди,
мы тоже порожни,
уходим мы,
так уж положено,
из стен,
матерей
и из женщин,
и этот порядок извечен,

прощай, моя мама,
у окон
ты станешь прозрачно, как кокон,
наверно, умаялась за день,
присядем,

друзья и враги, бывайте,
гуд бай,
из меня сейчас
со свистом вы выбегаете,
и я уйду из вас,

о родина, попросаемся,
буду звезда, ветла,
не плачу, не попрошайка,
спасибо, жизнь, что была,

на стрельбищах
в 10 балов
я пробовал выбить 100,
спасибо, что ошибался,
но трижды спасибо, что

в прозрачные мои лопатки
вошла гениальность, как
в резиновую перчатку
красный мужской кулак,

«Андрей Вознесенский» — будет,
побыть бы не словом, не будильником,

еще на щеке твоей душевной —
«Андрюшкой,

спасибо, что в рощах осенних
ты встретила, что-то спросила
и пса волокла за ошейник,
а он упирался,
спасибо,

я ожил, спасибо за осень,
что ты мне меня объяснила,
хозяйка будила нас в восемь,
а в праздники сипло басыла
пластинка блатного пошиба,
спасибо,

но вот ты уходишь, уходишь,
как поезд отходит, уходишь...
из пор моих полых уходишь,
мы врозь друг из друга уходим,
чем нам этот дом неуютен?

Ты рядом и где-то далеко,
почти что у Владивостока,

я знаю, что мы повторимся
в друзьях и подругах, в травинках,
нас этот заменит и тот —
«природа боится путот»,

**спасибо за сдутые кроны,
на смену придут миллионы,
за ваши законы — спасибо,**

**но женщина мчится по склонам,
как огненный лист за вагоном...**

Спасите!

Не возвращайтесь к былым возлюбленным,
былых возлюбленных на свете нет.
Есть дубликаты —
как домик убранный,
где они жили немного лет.

Вас лаем встретит собачка белая,
и расположенные на холме
две рощи — правая, а позже левая —
повторят лай про себя во мгле.

Два эха в рощах живут отдельные,
как будто в стереоколонках двух,
все, что ты сделала и что я сделаю,
они разносят по свету вслух.

А в доме эхо уронит чашку,
ложное эхо предложит чай,
ложное эхо оставит на ночь,
когда ей надо бы закричать:

«Не возвращайся ко мне, возлюбленный.
Мы были раньше. Нас больше нет».

Две изумительные изюминки
хоть и расправятся тебе в ответ.

А завтра вечером, на поезд следуя,
вы в речку выбросите ключи,
и роща правая, и роща левая
вам вашим голосом прокричит:
«Не покидайте своих возлюбленных.
Былых возлюбленных на свете нет...»

Но вы не выслушаете совет.

АВЕ, ОЗА...

Аве, Оза...
Ночь или жилье,
псы ли воют, слизывая слезы,
слушаю дыхание твое.
Аве, Оза...

Оробело, как вступают в озеро,
разве знал я, циник и паяц,
что любовь — великая боязнь?
Аве, Оза...

Страшно — как сейчас тебе одной?
Но страшнее — если кто-то возле.
Черт тебя сподобил красотой!
Аве, Оза!

Вы, микробы, люди, паровозы,
умоляю — бережнее с нею.
Дай тебе не ведать потрясений.
Аве, Оза...

Противоположности светло.
Дай возьму всю боль твою и горечь.

У магнита я — печальный полюс,
ты же — светлый. Пусть тебе светло.

Дай тебе не введать, как грущу.
Я тебя не огорчу собою.
Даже смертью не обеспокою.
Даже жизнью не отягощу.

Аве, Оза. Пребывай светла.
Мимолетное непрекратимо.
Не укоряю, что прошла.
Благодарю, что приходила.

Аве, Оза...

* * *

В воротничке я —
как рассыльный
в кругу кривляк.
Но по ночам я — пес России
о двух крылах.

С обрывком галстука на вые,
и дыбом шерсть.
И дыбом крылья огневые.
Врагов не счесть...

А ты меня шерстишь и любишь,
когда ж грустишь —
выплакиваешь мне, что людям
не сообщить.

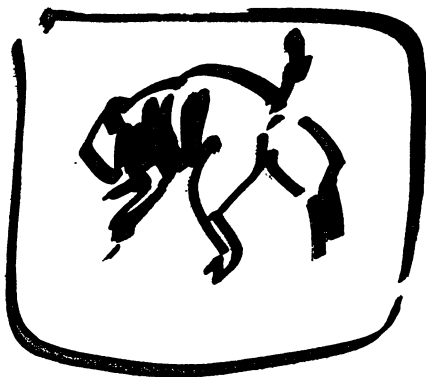
В мурло уткнешься меховое,
в репьях, в шипах...
И слезы общею звездой
в шерсти шипят.

И неминуемо минуем
твою беду

в неименуемо немую
минуту ту.

А утром я свищу насильно,
но мой язык —
что слезы слизывал России,
чей светел лик.

ΠΡΟΖΑ

МОЕ ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Мальчик возвращался из школы по зимним курганским улочкам. Плечи второклассника стягивал ранец. Смеркалось.

В одноэтажных домишках кое-где таинственно зажигались святочные слюдяные окна. Уральский морозец щипал щеки малолетнего москвича. Он дышал через шарф.

На углу Железнодорожной улицы он заметил трех огольцов, чем-то занятых у сухого дерева.

«Аборигены, — размышлял мальчик — гвардейцы кардинала. Ша отметелят. Пора стебывать через пус-тырь».

Но подростки не обратили внимания на нашего путника. Они играли в гестаповцев. Судили партизанку. Партизанкой была дворняжка, вернее, щенок чер-

ный с рыжими подпалинами. Дерево служило виселицей. Кутяш тыкался мордой в руки мучителей, не понимая плачевности своего положения. Четвертый побежал домой за веревкой. Шел допрос.

— У, засранка комсомольская! Где Сталин?! Отвечай, падаль. Ссы на его портрет, а не то вздернем — вот те крест, век свободы не видать...

— Х... вам в жопу, — отвечала героическая партизанка. — Сталин придет, всех вас раком вые... . На жопу глаз натянет! Вам всем срать не досрать до великого вождя.

Мальчик подошел ближе. «А ведь они замудохают щенка.»

— Ты чо?! х... тебе, куированный? — гестаповцы уставились на мальчика.

— Москвичка — в жопе спичка, — тоненько завопил дразнилку меньшей из них, тот, который озвучивал партию партизанки.

— Курган — в жопе наган, — находчиво отпарировал москвич. — Пацаны! Махнемся? Кутенка — на лу-пу...

Он достал из кармана свое заветное сокровище — увеличительное стекло, все в ссадинах от ношения в кармане. «За собачку, б...»

Сделка состоялась. «Ну, х... отсюда, — прокричал ему вслед старший. — Ишо раз поймаем — отпиздим».

Мальчик бежал домой. На груди, под пальто у него дышал теплый комок, билось сердечко, существо еще более беззащитное, чем он, которое он мог спасти, помочь.

«Как охмурить родителей? Отец-то поймет, он собака обожает. Но с матерью бу. проблемы. Ни фига, щеночек, прорвемся, как-нибудь...» — думал малыш.

«Спаситель мой, Виконт де Бражелон, незнакомый рыцарь мой, ты пахнешь бубликом, цветочным мылом, чистым детским потом, мое сердечко разрывается от преданности к тебе, я вырасту большой, буду защищать тебя от жестокого мира, буду есть из твоих рук, ах, боже мой, какое счастье», — засыпая на его груди, думала обмененная пленница.

Назвали ее Джульбой. Она провожала меня в школу, прячась за кустами, ожидала после уроков, вижда от вожеления, прыгала и лизала в лицо.

Собственно, мы были почти одной породы с ней, дети огородов, чистых низких инстинктов. Уровень наших глаз совпадал. Мы видели мир снизу.

Мы воровали подсолнухи, жрали жмых, были свидетелями кошачьих, куриных и собачьих свадеб. Постоянно голодные, мы, как и наши четвероногие собратья — промышляли, где бы что откусить. Как и они, мы настороженно относились к взрослым, опасаясь подвоха. Мы дразнили старшего мальчика «проститут» за его страсть с козой. Он был неопрятен, соплив, но улыбался чему-то неизведанному нами. Лексикон ныне называемый ненормативным, выражал для нас чистую, первозданную суть природы. Мы знали и, спрятавшись глазели, когда по утрам сосед Николаев шагал в дощатую скворешню уборной. За ним шла красавица Надежда. Когда он садился на очко, как на трон, она становилась перед ним на колени.

Джульба была с нами и, затаившись, замирала.

Порой я прятал ее под кроватью, и мы засыпали с ней, сопя от счастья и понимания.

Когда приходили гости и собиралось застолье, меня клали за занавеской в той же комнате. За полночь они пели песни. Как-то, помню, мама, нарядная и раскрасневшаяся, заглянула за занавеску.

— Ты что не спишь?

— Песню жду.

— Какую еще песню?

— Про мышку.

— Про какую еще мышку?

— Про шумелку.

— ??.

— Шумелка — мышь... мышка...

— Какая же мышь-шумелка? Она тихая...

«Шумел камыш, шумелкамышумелкамышумелкамыш», — затянули гости. Я уплывал в эту мелодию. Джульба посапывала в такт под одеялом.

Хозяйка наша Анна Ивановна, пустившая эвакуированных в свой дом, под вечер садилась на крыльцо и дыша перегаром, трепала Джульбу: «У, шишига, кикимора лесная, девочка, целка ты еще...» Джульба урчала от счастья.

Но однажды отец объявил, что завтра мы уезжаем в Москву. Ура!

— А Джульба? — Мы с сестрой ударились в рев. Родители переглянулись и обещали взять ее с собой.

На станции во время погрузки, среди летней пыли, она томилась, привязанная к столбу. Ее должны были отправить грузовым вагоном вместе с лошадьми.

— Ох... совсем! — взмолился измученный хозяйственник по фамилии Баренбург. Он матерился дисконтом, как будто мелко крестился: — да она же лошадей покусает...

Задыхаясь я бежал от станции к дому на Железнодорожной. Передо мной, визжа от счастья, неслась Джульба, понимая, что бежит домой, но не чуя, что мы расстаемся.

Под стук колес, зареванный, не простив предательства взрослых, я написал первые в жизни стихи. О первой сердечной боли, о первой любви.

*Джульба, помнишь тот день на станции,
Куда на веревке тебя привели?
Трудно было расстаться нам,
В этой серой курганской пыли.*

*Джульба, помнишь, когда в отчаяньи,
Проклиная Баренбурга, что есть силы,
Клялся тебе хозяин
Не забыть тебя до могилы?*

Анна Ивановна прислала нам письмо. Во первых строках она сообщала, что Джульба как сбесилась, она врывается в комнаты, ищет, кидается на людей, не ест, воеет.

«Все ищет мальчика», — сообщала хозяйка.

АРХИ-БЕК

Ныне, когда школьники разучиваются писать, когда компьютерная память стирается от постоянного вырубаемого электричества, когда книги диктуются без черновиков, — еще драгоценнее становится рукопись, обрывок дневника или пара писем — ведь мы давно перестали переписываться.

Век закончился, нам скучны и раздражительны растекания по древу, словоблудство, вранье, переименование в который раз истории. Приходит литература факта. Документалистика фантастичнее всех романов фантастов, наивных холстов сюрреалистов. Отсюда успех свидетельской литературы. Например, серии издательства «Вагриус», дневниковый жанр. Архив века.

И невелик грех, когда в дневнике автор выглядит лучше, чем в жизни, ибо он, человек, — действительно лучше того, чем он представляет себя, испорченный условиями существования.

Не надо заводить архивы,
Над рукописями трястись —

Эти слова стали классикой, сказанные лучшим поэтом столетия. Поэт имел в виду художника, который

не должен быть озабочен своим самоустройством. Но люди, современники художника, преступны, если не занимаются им. Хотя бы Пастернаком, у которого тома писем и черновики, исписанных летящим почерком.

Недавно ушедший в мир иной великий американский битник Аллен Гинсберг, Уолт Уитмен нашего времени, похвалялся мне уникальной системой металлических ящиков, хранилищем его рукописей. За миллион долларов поэт продал свой архив за два года до смерти Станфордскому университету.

«Все архиважно», — как картаво сказал бы предмет нынешних насмешек и ужаса, безусловно, самая сильная историческая личность века, о котором тем же размером, что и «не надо заводить архивы», писал поэт:

Я думал о происхожденьи
Века связующих тягот.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

Поэт выражает не только беды народа, но и его иллюзии.

Неверно толкуют указующую лукавую пастернаковскую строку (парафраз приписываемого Рембо образа — «как герой в легенде, переходит из уст в уста»):

Позор, ничего на знача,
быть притчей на устах у всех

Да, позорно, когда ты ничего не знаешь. Но истинный художник не озабочен, но сладостно вслушивается

ся в эхо своего творчества, условно называемого славой.

В отличие от сконструированных, расчетливых алхимических архивов, здесь во всем дышит почва и судьба. Так слагается архив проносащегося века, высшего по напряжению, ужасу, страданиям и духовной страсти среди предшествующих столетий, archi — Архив-века.

Много лет терпеливые женские телефонные голоса из ЦГАЛИ пытаются собрать мой архив; увы, в бардаке нашей суетности это практически невозможно. Значит, пока и не надо.

Всему лучшему в своей жизни я обязан родителям.

Тайной страстью отца была любовь к собакам. Он излучал сильную гармоническую ауру. Чужие псы считали его своим и радостно бежали навстречу. Обычно немногословный, он увлеченно рассказывал, как будучи на Кавказе во время геологических изысканий, имел друга — кавказскую лохматую овчарку Бобку.

Каждый день перед работой полчаса они играли. Гигант Бобка бросался отцу на грудь. Горцы, для которых иерархия собак была еще ниже, чем женщин, садились в кружок и молча наблюдали за играми странного русского. Они думали, вероятно, что идет какой-то шаманский ритуал.

ЧИТАЙТЕ ЧУЖИЕ ПИСЬМА!

Стихи — это письмо, посланное кому-то «до вос-
требования».

В этой книге собраны стихи, написанные в этом
тысячелетии. Кроме них, я думаю, органично входят в
книгу «собачьи» вещи из прошлых лет. Проза дана, ко-
нечно, в «щадающем режиме»

Поэма «Шар-пей» печаталась в «МК», другая —
«Беременный бас» — в «Аргументах и фактах». Но из
толстых журналов стихи эти опубликованы, конечно, в
журнале «Знамя».

Журнал «Знамя» и в прошлом веке был лучшим
журналом поэзии. Либеральный «Новый мир» лидиро-
вал в прозе и общественной мысли, но из-за угрюмой
настороженности Твардовского отдел поэзии там был
слабым.

О редакторе Вадиме Кожевникове сейчас говорится
много дурного. Скажу об ином. Высокий атлет с рим-
ским бронзовым профилем, он был яркой фигурой ли-
тературною процесса. Под маской ортодокса таилась
единственная страсть — любовь к литературе. Был он
крикун. Не слушал собеседника и высоким сильным
дискантом кричал высокие слова. Видно надеясь, что
его услышат в Кремле, или не доверяя ветхим прослу-

шивающим аппаратам. Потом, накричавшись, он застенчиво улыбался вам, как бы извиняясь.

Именно он единственный опубликовал стихи Бориса Пастернака из романа «Доктор Живаго» и предвещал появление романа объявлением о нем. Нежные отношения связывали его с Ольгой Ивинской, музой Бориса Леонидовича.

Замом себе он взял рафинированного интеллигента Бориса Леонтьевича Сучкова. Тот прошел ГУЛАГ как шпион всех разведок, чьи иностранные языки он знал. Тонкими губами он дегустировал поэзию. Но порой паника охватывала его, как, например, было с моими строчками, невинными абсолютно: «посадочная площадка». Это было об актрисе, но он увидел здесь политику и бледнел от ужаса.

— Вы правы, конечно, но зачем гусей дразнить? — говорил он мне, и заменил в «Осени в Сигулде» «гениальность» на «прозрение».

«Знамя» напечатало моего «Гойю». Эта публикация явилась шоком для официоза. На собрании редакторов всемогущий завотделом ЦК по идеологии Д. А. Поликарпов заклеил эти стихи. Кожевников встал, закричал на него, пытался защитить меня. С «Гойей» началась моя судьба как поэта. Первая ругательная статья «Разговор с поэтом Андреем Вознесенским» в «Комсомолке» громила «Гойю». Следом появились статьи запугавшего всех Грибачева и испуганного Ошанина. Для них формализм был явлением, схожим с вейсманизмом и морганизмом. Он казался опаснее политических ошибок — люди полуграмотные и суеверные, они боялись мистики и словесных заговоров. С тех пор самые усердные из официальных критиков набрасываются на все

мои публикации, что только усиливает, может быть, прилив читательского интереса.

Кожевников не испугался и напечатал «Треугольную грушу». Там были строчки:

Люблю я критиков моих!
На шею одного из них
Благоуханна и гола
Сияет антиголова.

Главный критик Державы обиделся и орал на меня с кремлевской трибуны, грозя изгнать из страны. Я пытался доказать, что это не о Хрущеве, что я имел в виду своих ругателей Прокофьева и Грибачева, чье портретное сходство навяло мне такой образ. Но это лишь усугубило мою «вину». На той же кремлевской встрече Малышко под гогот аудитории кричал, что я сам должен «Треугольную грушу» своим ... околачивать. По всей стране были расклеены плакаты, где мухинские рабочий и колхозница выметали грязный сор — шпионов, диверсантов, хулиганов и книжку с названием «Треугольная груша».

Они были правы по-своему. Именно тогда я оказался в Париже — мировая слава ударила мне в голову. Крыша поехала. Мой вечер в театре «Ле Колумбье» был вообще первым вечером русского поэта в Париже. Впервые в истории парижская публика ломилась в театр «на поэта». Да еще русского. Впервые за много лет в зале были Бретон и Арагон, гении сюрреализма, враги, один троцкист, другой сталинист. На посвященных мне полосах газет «Ле Монд», «Франсуар», «Либрасьен» я порол все что думаю — посольство бледнело от

ярости. Я гостил у Пикассо, виделся с троцкистом Андре Бретоном, не говоря уже о правых «антисоветских» интеллектуалах. Илья Эренбург пришел пешком ко мне в отель, без звонка, боясь прослушки, и на набережной пытался вразумить меня: «Ведь вам возвращаться придется. Или вы с ума сошли?»

Поль Торез, сын Мориса Тореза, легкомысленный красавец и плейбой, привез меня на дачу к отцу. Меня поразила дача генсека французской компартии, она была копией советских госдач. Такая же охрана и атмосфера. Но изрядно выпив, синеглазый хозяин, подливая мне пойло, под утро раскрылся и возмущался гонениями Хрущева на живопись. Француз победил в нем генсека.

Вернувшись в Москву, в шоке от хрущевского ора и последующих проработок я через журнал «Знамя» по обычной почте получил из Парижа конверт. Это было письмо от М. Тореза. В нем он благодарил от имени Партии меня за поездку. Будто бы я много сделал для дружбы русской и французской компартий. Лукавый и опытный партийный босс своей ложью во спасение наивно хотел выручить меня, считая, что письмо из обычной почты будет вскрыто редакцией и сразу попадет в руки правительства. И я буду спасен. Так и было. Старый лис знал страсть нашей номенклатуры читать чужие письма. Конечно, редакция показала его кому следует. Но спасения не последовало.

Так что судьба моя переплелась с судьбой журнала «Знамя» и лучшие вещи тех лет — «Париж без рифм», «Монолог Мерлин», «Осень в Сигулде» и другие были напечатаны именно здесь. Правда, «Озу» они не напечатали. Но это не их вина. Видно, возможности были ограничены.

Сестра моя сохранила мои детские письма к родителям. Вот что писал шестиклассник: *«Только что пришел из школы — у меня неприятности. За лермонтовское сочинение получил «тройку». Оказалось несколько ошибок (я и Наташа пропустили и как-то не заметили), а главное — все перечеркнуто красным карандашом и подписано: «Не понятно». Например, «разряженная тишина эпохи» (в которой звучал голос Лермонтова). «Что это значит?» И вывод: «Влияние декадентов». Это она, учительница, мне сказала после уроков. Очень неприятно, что ко всему она приплетает этих декадентов. Я после уроков зашел к ней и сказал, что декадентов я не люблю, и даже если это и было, то давно прошло. Она все: «Ты этих декадентов брось! Они такие, сякие!»*

Самое главное: сейчас только отошел от телефона, по которому говорил с Борисом Леонидовичем. Он меня сразу же узнал (сам подошел к телефону). Очень много расспрашивал о моем здоровье, где отдыхал и т. д. Насчет стихов сказал буквально так: *«Вы не расстраивайтесь. Даже у меня бывает. Переходить к реализму и т. д. нужно постепенно. И не думайте, что это будет так сразу. Что это лето должно быть краеугольным камнем в Вашей жизни». Он спросил, хочется ли мне его увидеть (как будто сам не знает). Сказал, что он только что приехал с дачи и сможет в следующее воскресенье принять меня. И что сам мне позвонит, а если он не позвонит, то просил меня позвонить ему. Дальше поговорили вообще о реализме, о знаниях. Я сказал, что мне, кроме всего, хочется попросить почитать что-нибудь. И тогда он спросил, читал ли я Достоевского. Я бухнул, что читал «Идиота». Теперь придется читать».*

Вот из второго письма через месяц: «Получилось очень интересно. Утром я все сомневался, та ли эта лекция, на которой я был. Позвонил домой Андронникову. Там сказали, что он на лекции в доме ученых. Я туда!

Приезжаю — лекция окончена. Все одеваются. Смотрю, стоит Борис Леонидович. Я — к нему. Он очень обрадовался. Мы немного поговорили о лекции, и вдруг оказалось, что он — не в той очереди в гардероб (всего их было четыре). Перешли в другую очередь, поговорили, и вдруг оказалось, что он опять не в той. Пришлось в другую, поговорили, все опять повторилось. Он говорил, что у него масса статей о Шекспире, Шопене, Лермонтове. Я рассказал ему про «тройку» за сочинение о Лермонтове, про «разряженную тишину» и т. д. Потом пошли домой пешком к метро. Говорили-говорили, и вдруг догоняет нас группа, девушки и взрослые: «Борис Леонидович, извините, мы к Вам. Выражаем восхищение Вами». Он поблагодарил, обрадовался. Когда они ушли, я сказал: „Вот видите, не я один!“ Но он расстроился. Сказал, что на лекции его никто не знает, что он страшно одинок. Потом об одиночестве в искусстве, о жертвах. Страшно было глядеть со стороны. Дождь... Растрепанная фигура машет руками, очень громко, взволнованно, навзрыд говорит. Обитые края шляпы, поношенный макинтош, кашне развивается на ветру. Все оглядываются, удивляются. Он говорит, что в иностранных антологиях первое место отводится Пушкину, а дальше по количеству стихов идет Пастернак...»

Другое письмо мое прислала мне Т. В. Балашова. Они его печатают. Я, по правде сказать, забыл, что пи-

сал. Теперь вспоминаю, что написал его по совету Лили Юрьевны Брик: «А то Эльза волнуется и раздражается».

Это был мой второй приезд в Париж, так что я уже знал Париж и Париж хорошо знал меня. Вечер русских поэтов проходил в зале «Мютиалите». Зал был переполнен, будущий президент Помпиду сидел на ступеньке. Принимали шквально. Сидящая рядом Бэлла шепнула мне: «Они сейчас тебя в президенты выберут».

Эльза читала свой перевод из «Озы».

Отношения ее и Арагона с Парижем были сложными. Мода на советское и антисоветское заканчивалась. Цена Арагона за его дар, интеллектуалы не могли простить ему сталинизма и членства в политбюро. Жили они во дворце на рю де Варенн. У Эльзы были проблемы с ногами, на второй этаж ее поднимали в специальном лифте-кресле, обитым красным бархатом. Потом, в Перedelкино, когда я поселился в бывшей даче Федина, я увидел лифт поднимавший классика на второй этаж. Сразу выбросил это сооружение.

Но у нас тогда в Париже проблем с ногами не было, и мы одним духом избегали на второй этаж арагонского паллаца. Там в гостиной мы заставляли хозяина, который стоял на коленях перед Эльзой, держа ее сухонькую ручонку, закатывая глаза, страстно шептал: «О, Эльза! О, моя богиня!» Нам казалось, что это спектакль для нас.

Гений, он смирял себя в политике и личной жизни. Он скрывал свои чувства к матери, профессиональной путане. Овдовев и обретя свободу, он носился по Елисейским полям в бархатном плаще от Ива Сен Лорана, сверкая белой гривой, в окружении юных пажей, среди которых выделялся стройный стихотворец Риста.

Повторяю, я уже был «свой» в Париже и не держался только Арагонов. Мои встречи с Пьером Эммануэлем, Жан-Поль Сартром и Анри Мишо не могли не раздражать хозяев, пригласивших нас. В результате, я уехал, даже не попрощавшись с Эльзой и Арагоном.

Мудрая Лиля Юрьевна хотела моим письмом смягчить ситуацию.

«Милая Эльза Юрьевна, я хочу поблагодарить Вас за все, что было во Франции. Я весь полон Парижем, пишу, пишу.

Когда я улечел, впопыхах я не послал обещанных строчек к пластинке.

Вместе с Клодом, В. Катаньяном, С Кирсановым — мы наколдовали этот текст.

У Руара есть мои прозаические переводы — пересказы стихов. Умоляю — чтобы был напечатан Ваш «Аэропорт»!

Привет и моя любовь Арагону, скоро выйдет мой сборник с посвященной ему «Быть женщиной».

До свидания.

Обнимаю, люблю Вас.

Андрей Вознесенский»

К Эльзе я относился трепетно, хоть она человечески и проигрывала по сравнению со своей кареглазой сестрой.

Узнав о смерти Эльзы, я написал стихи:

*«Она летит среди тоски
над городом торжеств и святок.
Косою стянуты виски,
как будто маленький ухватик.
Глаза страдальчески сухи...*

И вечность стегана, как ватник»

Лиля Юрьевна, услышав эти строчки, всполошилась:

«Андрюша! Как Вы разгадали секрет Эльзы?! Ведь у нее с детства была сухость глаз. Глаза без влаги. Она по несколько раз в день должна была закапывать капли».

Я этого не знал, но Тот, кто диктовал мне стихи, видимо знал.

Прослушав второе стихотворение, которое я посвятил Арагону, под названием «Быть женщиной», Лиля Юрьевна очень деликатно попросила меня его не печатать: «Ну потом как-нибудь напечатаете. Не время сейчас», — смягчила она свою просьбу. Сейчас я публикую эти наивные стихи. Сегодня странно, что когда-то они могли бы вызвать возмущение общественности.

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

Луи Арагону

**Быть женщиною — быть антимашинной.
Быт с женщиной — тяжел, как жернова.
Будь женщиной, родившийся мужчиной,
спустивший на ботфорты кружева!**

**Сын бляди и начальника угрозыска,
он мстил тебе, изнеженный Риста.
И растопырит руки, как при обыске,
распятие Христа.**

**По вечерам, надевши черный котик,
лютуя белоснежной головой,
он вкалывал готический наркотик
литературе мировой.**

**И почему пред нами он тарашится,
голубизною озарив глаза?
Целуя ручку как сухая ящерица,
он говорит: «Я Вас люблю, Эльза!»**

**Зачем он лифчик нацепил спросонок,
от счастья улыбаясь как дебил?
Душа его — копилка-поросенок,
ее он ради женщины убил.**

**Он гениален в макинтоше розовом.
А женщина есть, в сущности, душа.
Она — копилка с драгоценной прорезью.
И снова, нераскрытая ушла.**

**Заканчивается монополия.
Ночь непонятна и темна.
И дышит в запрокинутое поле
великая голубизна.**

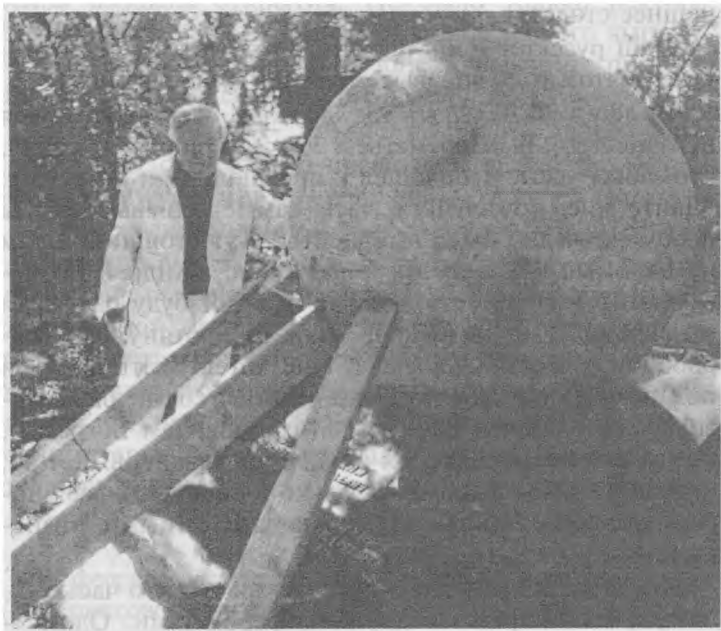
Третье письмо секретарю Коммунистической партии СССР М. С. Гобачеву: *«10 февраля 1990 г. мир будет праздновать 100-летие Б. Пастернака. ЮНЕСКО отмечает эту дату. Время показало, что Б. Пастернак не только крупнейший поэт нашей страны, но и духовный полюс столетия. Этот юбилей будет свидетельством торжества нашей культуры, торжества правды, победы над темными силами, победы конкретной политики перестройки в культуре. В Москве должны собраться крупнейшие деятели культуры мира, среди них нет ни одного, кто бы ни чтил Пастернака. И наша страна, и Франция, и США, и Италия, впервые напечатавшая роман «Доктор Живаго», и Швеция, присудившая поэту премию, одинаково горячо откликнутся на это событие. Безусловно, празднование должно состояться в Большом театре — подобное случается раз в 100 лет. Кроме того, возникает масса проблем: например, Союз писателей СССР недостаточно обладает валютными средствами, чтобы принять такое количество светил мировой культуры... Ввиду срочности и духовной важности события обращаюсь к Вам за содействием.*

Заранее благодарный А. Вознесенский».

Я никогда больше не писал писем на высочайшее имя. Только однажды написал Л. И. Брежневу письмо с просьбой похоронить отца на Новодевичьем. Без его разрешения это сделать было невозможно.

В этом году, в сентябре, удалось наконец поставить памятник на этой могиле моих родителей. Памятник, спроектированный мною, бережно и точно по проекту осуществлен в мастерской Зураба Церетели.

Низкий поклон Зурабу. Поклон Тариэлу, резчику гранита, Важе, мастерам, отлившим крест, шрифтовикам и рабочим, притащившим трехтонный шар на руках, без крана. Всем спасибо.

Несмотря на прогнозы ипохондриков, живая поэзия не умерла вместе с веком, а выплеснулась в нынешнее столетие.

Наш русский День поэзии, рожденный в прошлом веке, в этом году впервые стал Международным.

Я летел в Дельфы, где должно было состояться празднество. В Шереметьевском аэропорту я понял, что забыл часы. Я подошел к продавщице и попросил: «Дайте мне, пожалуйста, часы самые дешевые, чтобы потом не жалко было выбросить». Тут стоящий рядом незнакомый мне человек подал голос: «Андрей Вознесенский? У меня есть для Вас часы. Я буду рад, если мое время будет на Вашей руке». И протянул мне коробочку с часами. Сначала я не хотел брать дорогой подарок, но потом (что было делать?) согласился. Незнакомец оказался Вадимом Михайловичем Боградом, председателем Правления одного из Альянсов. Лет 40, интеллигентное лицо. Это только в анекдотах все «новые русские» выставляются полуграмотными «ваньками».

Когда я раскрыл коробочку, я увидел, что часы были фирмы «Картье» с двумя циферблатами. Один —

для нашего, а другой — для европейского времени. Так я и живу по двойному времени сейчас.

Впрочем, сейчас, выстраивается новая общность — «новейшие русские». Это относится не только к юным хакерам. Например, разве не «новейший русский» Александр Сергеевич Запесоцкий, реактивный ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Помню, прошлый раз в День знаний собравшаяся толпа ожидала открытия. Не было только ректора. Внезапно появился белый вертолет, и из него выпрыгнул человек в алом комбинезоне: «Разрешите представиться, я — Александр Сергеевич!»

Белый вертолет — это желтая кофта Запесоцкого.

Он учит студентов белизне и непредсказуемости в наше грязное, суматошное время.

Диджеевский плейбой, он одинокий рыцарь сейчас.

Недавно его уверенная маска поехала — он рассказывал мне о коррупции в вузах. Я отговаривал его от рискованной борьбы, считая, что он, как режиссер, должен сохранить свой театр, то есть университет. Университет его уникален, прямо-таки мирового значения: и спортивный зал, и общежитие, а чего стоит компьютерный зал в подвале, декорированный под подводную лодку! Это было еще до гибели «Курска».

В феврале будущего года будет вручена очередная Пастернаковская премия двум поэтам: классику и юному

дарованию. Я не могу еще сказать их имена, но знаю, что это будут «новейшие русские».

И «новейшим русским» является Александр Гафин, Гафин, чьими стараниями Пастернаковская премия обрела уверенную постоянность. Его кабинет не случайно увешен изображениями бульдога — у него величайшая коллекция этих четвероногих аристократов.

И наконец, для меня «новейшим русским» является издательство «Терра», способное издать под ключ книгу в течение месяца.

Продолжение Дельф состоялось в Вероне, где в этом году была создана Мировая Академия поэзии. Собрался цвет поэзии: Марио Луцци, Адонис, нобелевский лауреат М. Соника и другие.

Верона, город Ромео и Джульетты, полон древних красно-кирпичных стен с кремлевскими зубцами. Эти зубцы фасона «ласточкины хвосты» были сооружены на стенах Московского Кремля веронцами. Полная иллюзия, что дом с известным балконом Джульетты находится прямо под кремлевской стеной.

Этот год — стал юбилеем «Юноны» и «Авось». 20 лет назад, после долгих разборок с цензурой, состоялась премьера спектакля. В этом году в июле был юбилейный спектакль. Опера не разболталась, несмотря на то, что кроме блистательного Караченцова, который бессменно ведет роль, сменилось два состава исполнителей. Аудитория тоже сменилась, но не изменилась. Марк Захаров попросил меня исправить только одну строчку в «Аллилуйи». Вместо «Жители XX-го столетья, наш к концу идет XX век» я поставил «Дети XXI-го столетья, нам достался XXI-ый век». С тем, чтобы в XXII веке пели «Нам XXII-ой достался век», и в XXIII-ем. Так что на первое время будущее «Юноны» обеспечено.

В отличие от других рок-опер, «Юнона» — текстовая рок-опера.

Герои оперы стали не только романтическими символами любви. Но и фигурами истории. Маленькая табакерка и маникюрные ножницы графа Резанова собирают сегодня толпы зрителей в Исторический музей.

В этом году в Красноярске делегация американских полицейских, специально прилетевших из Калифорнии, привезла горсть земли с родины Кончиты на могилу Резанова.

Эхо событий стало таким грандиозным, что даже не верится, что я когда-то 25 лет назад раскопал эти материалы на краю света в университетской библиотеке Ванкувера. В результате написалась поэма «Авось»...

НАДПИСЬ НА ЭТОЙ ВЕРСТКЕ

«Без церковного пения, без ладана,
без того, чем могила крепка...»

Не усами шар-пея, а Усаном бен Ладаном
усмехнулись века.

Слышу рев самолета из Внуково
над моей головой.
И в душе моей вместо заутрени —
эхо внутренних войн.

МЕЖДУ КОШКОЙ И СОБАКОЙ

Лиловые сумерки Парижа. Мой номер в гостинице.
Я сижу спиной к окну, в кресле.

Сумерки настаиваются, как чай.

За круглым столом, напротив меня сидит, уронив голову на локоть, могучный Твардовский.

Он любил приходить к нам, молодым поэтам, тогда, потому что руководитель делегации Сурков прятал от него бутылки и отнимал, если находил. А может, и потому, что и ему приятно было поговорить с независимыми поэтами. Пиетет наш к нему был бескорыстен — мы никогда не носили стихи в журнал, где он редактировал, не обивали порога его кабинета.

В отдалении у стены, на темно-зеленой тахте полувозлежит медноволосая юная женщина, надежда русской поэзии. Ее оранжевая челка спадала на глаза подобно прядкам пуделя.

Угасающий луч света озаряет белую тарелку на столе с останками апельсина.

Женщина приоткрывает левый глаз и, напряженно щупая почву, начинает: «Александр Трифонович, подайте-ка мне апельсин». И уже смело: «Закусить».

Трифонович протрезвел от такой наглости. Он вытаращил глаза, очумело огляделся, потом, что-то сообразив, усмехнулся. Он встал; его грузная фигура обрела грацию; он взял тарелку с апельсином, на левую руку по-лакейски повесил полотенце и изящно подошел к тахте.

«Многоуважаемая сударыня, — он назвал женщину по имени и отчеству, — Вы должно быть счастливы, что первый поэт России преподносит Вам апельсин. Закусить».

Вы попались, Александр Трифонович!

Едва тарелка коснулась тахты, второй карий глаз лукаво приоткрылся: «Это Вы должны быть счастливы, Александр Трифонович, что Вы преподнесли апельсин первому поэту России. Закусить».

И тут я, давясь от смеха, подаю голос: «А первый поэт России спокойно смотрит на эту пикировку».

Поэт — всегда или первый, или никакой.

БЕРЕМЕННЫЙ БАС

ВСТУПЛЕНИЕ

Даждь нам джаз. А сапогом по роже?
Как мужик беременный — пузатый бас.
Джаз — вид жизни. Боже, Боже,
даждь нам джаз!

В Бийске — минус 70. Обморозишь сердце.
Может, впрямь согреются, играя джаз?
Вымерзает интеллигенция.
Совесьть измеряется килогерцами.
Даждь нам газ!

Русские джазисты, бомжи элитарные,
пальцы коченеют в такие холода!
Ты куда ведешь нас, ударник,
ударник-ударникуданикуданикуда —
НИКУДА

Джем, жим, джин, джин-тоник,
тоник-тониктониктониктоникто — НИКТО

Бабочка с иголки подсела мне на тай
на тай-натаянатайнаатайнаатайна — ТАЙНА

**Но над веками
взмахнет руками
Христос — как без палочки дирижер-джазист.
Как Он устал дирижировать нами!**

ДАЖДЬ НАМ ЖИЗНЬ!

ГЛАВА 1

— Марь-Иванна, что такое джаз? —
дискутируют в школе скептики.
— Почему забеременел контрабас?
Экономил на контрацептике?

— «Почему, почему!»
Ща те рожу починю!
С гитарой обжимается Пол Боллинбэк.
— А бас, что же, не человек?..

— Judge us jazz!
— Как же, щас...
— Джаз — это музыкальный джакузи.
Дождь горизонтальный бьет, как «узи».

Кролл. И Бенни Гудман. Кровь. Лорд Джадд.
Забвение минутное даждь нам джаз!

**В аду нет топлива для котла.
Милиция топает «забить козла»
(топлес-телка телкателкателка — котел).
— Сакс? На костер!**

**От мозгов до кроссовок
просквозит меня соло
ностальгической нотой**

Алексея озлова.

**«Джаз умер», — критик писал. Но — ах! —
джаз сыграл на его похоронах.**

**Миллениум Горбушку видал в гробу,
но вместо обмеления есть Игорь Бу**

**«зусман барает¹».
Бутман играет.**

**Кто там дует в золотой унитаз?
ДАЖДЬ НАМ ДЖАЗ!**

**Ажажа и Пришелец, кто ты ни будь,
ДАЖДЬ НАМ ЖУТЬ!**

¹ Молодежное джазовое выражение 60-х годов, означающее «мороз трахает».

ГЛАВА 2

**Даждь нам джаз! Не узнан,
бродит под Москвой
красноносый «зусман»
с белой бородой.**

**Боже! Обознаюсь!
Ну и туман...
Взял я соседа за нос.
Но это стоп-кран.**

**Жмурики, на раут!
Усмань смерзлась враз, —
зусман бараает.
Дажь нам джаз!**

**Мороз бараает нищих в бараках.
Думский парламент мороз бараает.
Спит в «мерседесе» парочка private.
Зусман бараает. Обоих бараает.**

**Лопнут бутылки, сберкассы, препоны,
невеста, которую запирают,
и барабанные перепонки —
мороз бараает.**

**Он заморозил в суде апелляции.
Родина граждан не выбирает.
Мороз преступнику нос обеляет.
Мороз бараает.**

**Снег в Эмиратах беспрецедентный.
Женские судьбы — как дырки баранок.
Администрацию президента
мороз бараает,**

**Зусман бараает.
БУТМАН ИГРАЕТ.**

ГЛАВА 3

**Как-то
проказница-мартышка,
козел на саксе,
с контрабасом мишка
и конь в пальто
решили играть группой.**

Играли по крупной.

**Открыли клонирование.
Открыли Крым Украине.
Выпустили инстинкты.
Устроили в Индии землетрясение.
Подстелили пальто.**

**Закусывали водку вареньем.
Протрезвевши, поняли, что -
бас беременный.**

**Мэн расстегивает ремень.
Бас беременен.
Пересели. Ветр перемен.
Бас беременен.
Смени позы согласно времени!
Бас беременен.
Вопреки Брему.
Ностальгиею гобеленовой
бас беременный.**

**Позвали театр «Ромэн».
Бас беременен.**

**«Ну, козлы! — подытожил сакс. —
Пошли в ЗАГС».**

ГЛАВА 4

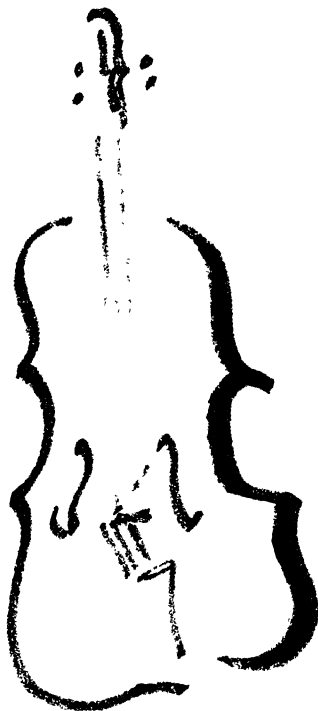
Если вы не жмурики
и по вам не были —
умирайте в музыке,
пока вы живые!

Глубь артезианская!
Каждое мгновенье
возрождайтесь заново.
В этом жизнь, наверное.

Сумбур вместо музыки.
Собор вместо мусора.
Закаты над Грузией —
как корки арбузные.

Азбучны приливы
и отливы чувства.
Душе с непривычки
сразу не очухаться.

Жемчуга. Амбиции.
Тяга безотказная.
И самоубийство
вечного оргазма.

**Опять умирайте,
чтоб вновь возродиться, —
не забудьте. Бога ради,
назад возвратиться!**

**Мы — живые смерти.
Свечки именинные.
Хороши куверты
на своих поминках!**

**Меж Твоею, милой,
и моей ладонью —
новые могилы,
новые роддомы.**

ГЛАВА 5

**«Гзи-гзи-гзео» — в русском шизе
слышно: Диззи!**

**Оза, смейтесь, смехачи!
СМИ, мочи!**

**У баса в животе открыты
две прорези от аппендицита.
Струны начинаются, где лобок.
Браки однополые венчает Бог.**

**Страстью отзывается стон струн глухих,
когда басник пальцами щиплет их.**

Кто папаша джаза? Сакс породы такс.
БЕРЕМЕННОСТЬ ПЕРЕДАЕТСЯ ЧЕРЕЗ
ФАКС.

Пухнет бас в результате свинга?
А может быть, свинка?

Чем беременен?
Чемберленами?
Чемоданами, юбилеями?
Божьим временем?

И брюхатилось под декой
полубуквами ХЭХэ
то, что было ХЭХэ веком,
чемпионом во грехе —

войны, технари, налоги,
кровь, поэты, Лужники
и новейших теологий
виртуальные жуки.

Божьи птички
оптимистичны.

Пеночка:
«пинь-пинь-пиночет».
Журавли: «куравлев».

Сойка:
«сойка-сойкасойкасой — косой».
Индок (еле в тон):
«Я Дюк Эллинтон!»

Орел (резко): «Я решка».
Овсянка: «Оф-самка».

Бутман: «О'кей, Осанна!»

И как таинство
в днях портяночных,
шею вытянувши вдоль трассы,
потянутся
верблюды, как контрабасы.

Взор замедлите —
и в воде
царскосельские белые лебеди
отразятся будто биде.

Вьюга крутится, как рюмка.
Юнга, чистящий галльон, —
юнга, юнга, юнга, юнга, —
слышит птицу Гамаюн.

Заплываем в мечту.
Все забудем.

Я до счастья Тебя домчу —
домчу-домчудомчудомчудом —
ЧУДОМ.

ГЛАВА 6

— Каков пол у Боллинбэка?

— Как пол кентавра:

пол-человека

и пол-гитары.

Полнолуние бьет в литавры.

Бутман, смерть джаза — это деза.

Ты в Нью-Йорке оцепенел —

тебе бухнул великий Диззи:

«Я — тоже революционер!»

Читка этой поэмы — пытка.

Но как ангел внимательный, ты,

когда я читал, на пюпитре

перевортывал мне листы.

Сколько свободы?

А сколько времени?

Луна — без стрелок, но на ремешке
серебряной дорожки.

Ноль — без дирижерской палочки,

струны не нуждаются в смычке.

**Большое мужество — продолжать свое племя.
Ведь нация на мушке, на волоске.
Русские перестают беременеть.
Приходится — музыке...**

ГЛАВА 7

Сердце отморожено, как ухо.
Берегите сирот!
Снегом депрессуху
джаз массирует.

Живопись? Граффити!
Животворная наркота...
Живите —
для живота.

Сахар нас схрупал.
Пища пережует.
Царит над городом купол,
над нами царит живот.

Мороз, все бараешь?
Избежим когтей.
Billy Cobham, черный барабанщик,
крутит плечи, как гантель.

Привет Улан-Батору — баторубатору —
рубато!

**Нос любителя метакс
сбил плинтус...**

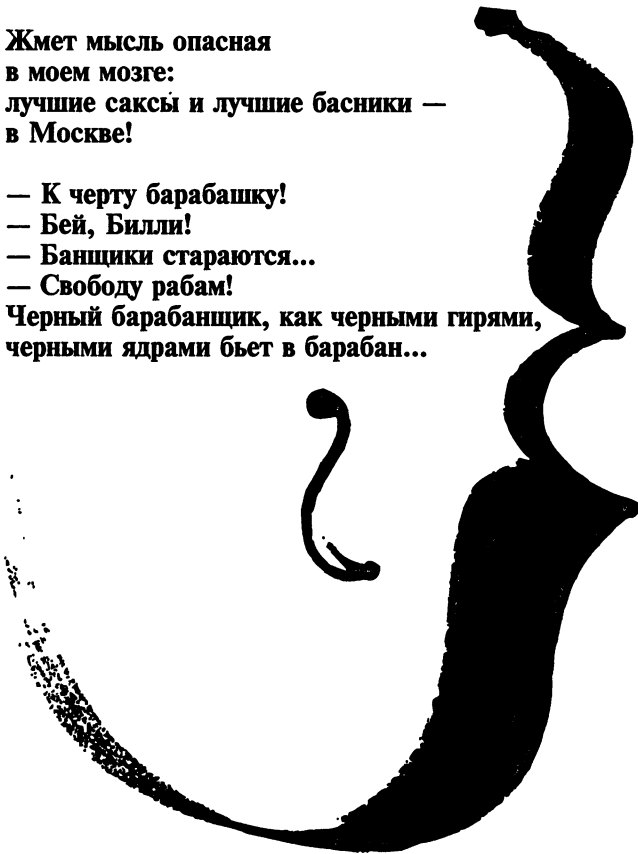
«БУТМАН — ЛУЧШИЙ В МИРЕ САКС»

(Билл Клинтон)

**Жмет мысль опасная
в моем мозге:
лучшие саксы и лучшие басники —
в Москве!**

- К черту барабашку!**
- Бей, Билли!**
- Банщики стараются...**
- Свободу рабам!**

**Черный барабанщик, как черными гирями,
черными ядрами бьет в барабан...**

ГЛАВА 8

**Позовите сюда эпоху.
Пусть носы росисты, как земляника.
Похороны
прекрасного Мига.**

**Не сгоревшего в небе МиГа,
который был вертолет,
а намыкавшегося мига,
который нам не споет.**

Сутулится бас фигурой —
беременный с черным бантом.
В окна глядят с шампура
Бременские музыканты.

Он был музыкальный профи:
«Миг. Хмык. Мик-ада. Биг-Мак».
Я помню лежащий профиль,
запыхавшийся, как сайгак.

Мне все ритуалы по хрену!
Он был из друзей моих.
Я видел: пугая похороны,
из гроба Он встал на миг!

Рухнул с тоской во взоре,
сказав: «Она не пришла».
Мemento море!
Звездам на небе нет числа.

ГЛАВА 9

В Джекказгане ветра безумные.
Джаз каскадом взлетает. Но
площадь Зубовская — без Зубова
и без Дюка сохнет ф-но.

Люблю города могутные.
Сплю, сплюсплюсплюс — «Европа Плюс».
Страны называют в честь Бени Гудмана —
Бенилюкс!

И дизель трубы заболел эпилепсией
без Диззи Гиллеспи.

Помнишь Диззи московским летом?
Контрабасы столпились в круг,
как коричневые жилеты
с двумя прорезями для рук.

**Помнишь, ты на концерте плакала
под визг трубы?**

**Бас горбатый, облапив лабуха,
как медведь, вставал на дыбы.**

**Помнишь, помнишь, Москву влюбил
73-летний Мафусаил?**

— Ишь, докривляется лет до ста!

Нет корреляции возраста.

— У нас бы одумался, стал бы другим.

— Написал бы Гимн...

— Все не перебесится, старый джаз!

На девятом месяце бедняга бас.

ГЛАВА 10

Бас тужится.

Басу хочется соленького.

Бастующим операторам хочется «зелененьких».

**Дышит в шею, тих как батист,
влюбленный контрабасист.**

**Почему, поборовши шок,
он невидимый взял смычок?**

**Что мычит смычковый Башмет?
По-славянски «басник» — поэт.**

**Чей смычок с неджазовой нежностью —
ночь печенежится! —
белоснежными полотенцами
тело баса трет запотелое?**

**Схватки. Корчи. Салют! Экстаз!
У баса родился малютка-бас.**

**Музыка — дух рас.
ДАЖДЬ НАМ ДЖАЗ!**

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Озари меня,
муза зауми!*

Музы все Тебе служат замами.

*Называют тебя дикой дурочкой.
В нашем слаломе
подари Ты мне свою дудочку,
муза зауми!*

*Я живу. Не нуждаюсь в тренере.
Неказист?
Но зато я играю на «теноре»,
как джазист.*

*Берестяные ходят ходики.
Еще рано.
Повернись ко мне своим в родинках
нотным станом.*

*Впились тернии, словно шестерни,
в лоб терзаемый...
Тренирует меня — что естественно —
муза зауми.*

ЭПИЛОГ

Играет смычок. Его пилящий жест
мне видится, как отшатнувшийся крест.

Нет сил человеческих с мукой своей
тащиться, как тащит сучок муравей.

Как крест Он тащил! И мучительный стон
нас всех осенил музыкальным крестом.

Сверкнуло скрещенье Башмета и джаза
смычковым крещендо бессмертного баса!

Спасение — в музыке. К ней прижмись.
ДАЖДЬ нам **ЖИЗНЬ!**

2001

Оглавление

ШАР-ПЕЙ (Поэма)	7
ГДЕ ВЫХОД?	
XXI	41
Три ада	43
«Вы застали меня живым...»	44
«Я в Ригу еду в белых джинсах...»	45
Часы сына	46
«Прикрыла душу нагота...»	48
Кровь	49
Павлевазмей	50
Северная магнолия	52
Дочь художника	53
Смерть огня	55
Золотая синева	56
Лена вскрыла вены	58
Ветренно	60
«Ходит по пляжу рижскому мусорщик...»	61
Лифт застрял	62
Trade Center	64
«Ночами из зубцов кремлевских...»	66
Открытие в Новгороде памятника 1000-летию Руси	67
Черемуха благоуханна	68
Классика	69
Весенние велогонки	71

Белый клоун	74
Бард в погонах	75
За звуковым порогом	76
«Негу законную на себя наденьте...»	78

ДЫМОК НАД ПЛ. МАЯКОВСКОГО

Дымок над пл. Маяковского	81
Увы	85
Памятник императору	86
Дочь Солнца.	87
«В тебе живет сияние. Безжалостно...»	87
Сон	88

ШАРП-2 (<i>Эхо поэмы</i>).	91
--------------------------------------	----

РУССКИЙ НОВЕЙШИНА

Русский новейшина.	123
Москва. Кремль	124
Монумент	125
«Американские полицейские...»	126
У озера	127
«Зимняя пробка...»	128
Лыжник	129
Сонет-экспромт	130
«Когда же я очнулся, я увидел...»	131
Нищие	132
«За что нам на сердце такие рубцы?...»	133
Оксана — 2001	134
Марьяна	136
«Кого бояться Вирджиния Вульф...»	137
Тайна	138
«Был человеком-эксcrementом...»	140
«Вдову великого поэта...»	141
«В Тебе просвечивает гибель...»	142
«В слезах, когда просыпаюсь...»	143
Сон	144

НО ВРЕМЯ — ЭТО ШАР, ЛЕТЯЩИЙ ПО НАКЛОНУ

Мать	147
Памятник	149
«Вижу, как сон, — ты стоишь в полукруге...»	151
«Я отменил материнские похороны...»	152
Похороны цветов	154
«Что ж, потуши торшер...»	155

СОБАКАЛИПСИС

Собакалипсис	159
«Европа-плюс — плюсплюсплю — сплю с...»	162
Человек породы сенбернар	163
«На улице, где Ты живешь...»	166
Щенок по имени «Авось»	167
Осень в Сигулде	169
«Не возвращайтесь к бывлым возлюбленным...»	173
Аве Оза...	175
«В воротничке я —...»	177

ПРОЗА

Мое первое стихотворение	181
Архи-век	186
Читайте чужие письма!	189
Быть женщиной	198
«Третье письмо секретарю Коммунистической партии СССР М. С. Горбачеву...»	200
«Несмотря на прогнозы ипохондриков...»	202
«Этот год — стал юбилеем «Юноны» и «Авось»...	205
Надпись на этой верстке	206
Между кошкой и собакой	207

БЕРЕМЕННЫЙ БАС (Поэма)	209
----------------------------------	-----

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ШАР-ПЕЙ

Новые стихи и поэмы

Редактор *И. Шурыгина*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *В. Нефедова*
Корректор *Л. Калайда*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0801300.

Подписано в печать 08.10.01 г.

Гарнитура Таймс. Формат 70x108 1/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 4,89.

Заказ № 0114490.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-275-00350-1

9 785275 003505